

КАМИЛЛА ГРЕБЕ

«Гребе удалось создать универсальный сюжет, в котором, как в античной трагедии, человек подчиняется судьбе и безжалостному року».

Politiken

ОХОТА НА ТЕНЬ

18+

Триллер по-скандинавски

Камилла Гребе

Охота на тень

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.113.6- 312.4

ББК 84(4Шве)- 44

Гребе К.

Охота на тень / К. Гребе — «Издательство АСТ»,
2019 — (Триллер по-скандинавски)

ISBN 978-5-17-147065-4

1944 год. Стокгольм. В районе, пользующемся дурной славой, совершено жестокое убийство. Одной из первых на место преступления прибывает Элси Свеннс, молодая девушка, недавно поступившая на полицейскую службу. Убийца не торопится бежать от стражей порядка, и когда Элси оказывается у него на пути, ее участь уже предрешена... Тридцать лет спустя Бритт-Мари Удин, одна из первых женщин-детективов в Швеции, начинает расследование запутанного дела. От места преступления ее бросает в дрожь: все слишком напоминает кошмар ее прошлого: много лет назад в этих трущобах, прозванных в народе Болотом, погибла ее мать. Преступник во всем остался верен своему стилю. Но только на этот раз жертва выжила. Коллеги не воспринимают Бритт-Мари всерьез, но она обладает силой, с которой стоит считаться, и кажется, что она вот-вот приблизится к разгадке. Однако ее упорства оказывается недостаточно, чтобы вступить в схватку с безжалостным убийцей. Преступник ускользает, а вместе с ним пропадает и Бритт-Мари. В 80-е годы ее загадочное исчезновение начинает вызывать вопросы. Кажется, так называемый Болотный Убийца вновь напомнил о себе. Очередное убийство, после стольких лет. Полицейские обращаются к Ханне, профайлеру, надеясь, что она поможет выйти на след преступника. Но все безрезультатно, убийца неуловим. И вот уже 2019 год. За дело берется Малин Брундин, она верит, что ей удастся остановить Болотного Убийцу, который столько лет ускользал от правосудия. Ведь на протяжении стольких лет женщины, которые отвоевывали свое место в мире, безраздельно принадлежащем мужчинам, в одиночку ведут охоту на тень. Неужели убийца вновь ускользнет?

УДК 821.113.6- 312.4

ББК 84(4Шве)- 44

ISBN 978-5-17-147065-4

© Гребе К., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Элси	7
I	7
Бритт-Мари	18
2	18
3	22
4	27
5	31
6	35
7	39
8	43
9	46
10	51
11	55
12	58
13	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Камилла Гребе

Охота на тень

Посвящается Катарине

Nolite te bastardes carborunorum.

Не позволяй ублюдкам растоптать тебя.

Маргарет Этвуд. «Рассказ служанки»

Camilla Grebe
SKUGGJÄGAREN (THE SHADOW HUNTER)

© Camilla Grebe, 2019

© Николаева М., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Способны ли слова унимать боль и исцелять?

Возможно ли облечь в слова непостижимое? Чтобы взглянуть со стороны, понять, и даже однажды оставить позади? Словно место, где провёл много времени, но после долгих раздумий всё же решил покинуть?

Если я стану складывать слова в предложения и мне удастся вдохнуть искру жизни в свой рассказ – вывезет ли меня этот плот из крошечной тьмы?

Я буду стараться.

Вот мой рассказ, мой спасательный плот. Вначале я расскажу об Элси Свеннс.

Она, если хотите, первая героиня этой книги. А ещё – первая жертва. Очевидно, Элси не подозревала об этом в 1944 году, поздним февральским вечером, сидя на корточках перед маленьким мальчиком в полицейском участке Клары.

Элси

Стокгольм, февраль 1944 года

I

Мальчишка, не больше пяти лет от роду, был одет в рванину, и вшей у него было полно. В давно невымытых волосах они просто кишели.

– Где живет твоя тётя? – сделала очередную попытку Элси.

Мальчишка не издавал ни звука. Он упрямо сжал губы и глядел вниз, на свои стоптанные башмаки.

Мать мальчонки, Шальная Сара, спала пьяным сном в женской предвариловке, а отца у него и вовсе не было, насколько было известно Элси и констеблям, доставившим Сару в участок на улице Самюэльсгатан менее часа назад.

Двое мужчин в гражданском вошли в узкий коридор, который вел в казарму к неженатым полицейским. Одного из них Элси смутно припоминала. Ходили слухи, что он из Службы. Там борются с угрозами государственной безопасности. Только о таком вслух не говорят, даже в полицейском участке.

Позади себя мужчины оставили едва уловимый запах сигаретного дыма. Мальчишка вдруг зашаркал ногами по полу, и Элси тяжело вздохнула. Она уже всё перепробовала – прямо ужом перед ним вилась. Налила теплого молока, даже не пожалела для него кусок марципана, который констебли добыли поутру в кондитерской лавке на Дроттнингсгатан. Всё без толку.

Глядя на этого малыша, Элси задумалась о той семье, какая могла бы быть у неё.

У Элси был жених, Аксель. Он был родом с севера – огромный, как медведь. И сердце у него было золотое.

Четыре года назад перевернулся и затонул паром, который должен был переправить два взвода солдат Боденского инженерного полка через озеро Армашерви в Турнедален. Вода была ледяной, а солдаты – в полной амуниции. У Акселя не было ни единого шанса, таким он был большим и тяжелым.

А спустя всего месяц после его гибели Элси поняла, что ждет ребенка. Слишком поздно было что-то предпринимать по этому поводу. В любом случае Элси не хотела обращаться в подпольный абортарий – велик был риск истечь кровью на полу в каком-нибудь подвале.

Следующей весной Элси без лишнего шума родила дочь. Среди её знакомых нашлась женатая пара – Вальдемар и Хильма – которые согласились позаботиться о малышке Бритт-Мари, по крайней мере, до тех пор, пока Элси не встанет на ноги. «Встать на ноги» на практике должно было означать замужество. Но у Элси больше не было жениха, так что, оставляя свою крошку вместе с нехитрым приданым – помолвочным кольцом, которое ей подарил Аксель – на попечение Хильмы и Вальдемара, Элси знала, что, вероятно, никогда не сможет забрать Бритт-Мари.

С тех пор не проходило и дня, чтобы Элси не тосковала по Акселю и Бритт-Мари, по семье, иметь которую ей не позволила судьба. Но Элси сумела сделать шаг вперед. Жизнь продолжалась, ибо именно этим жизнь и занимается. Элси неплохо устроила свой быт, уехав далеко от шведской деревушки Корсхольм в финском Эстерботтене, где она родилась.

Теперь Элси служила полицейской сестрой в Кларе и снимала комнату у одной вдовушки в новом многоквартирном доме на улице Корсбэрсвеген у таможи Рослагстуль. В этом доме были собраны все современные блага, включая ванну и электрическую плиту, которая включа-

лась, когда скормишь ей жетон. Здесь всё было иначе, совсем не так, как в ночлежке на Вальхаллавеген, где прежде обитала вдова со своими тремя детьми.¹²

Каждый день Элси ездила на трамвае от Восточного вокзала до площади Норрмальмсторьет, а затем короткой тропой бежала в полицейский участок на улице Самюэльсгатан.

Очень достойная жизнь.

Неизмеримо лучше, чем была у её матери или бабушки. Непросто было осознать, что теперь женщины могли делать практически всё то же самое, что и мужчины, – работать, голосовать, самостоятельно заботиться о себе и жить независимо. И даже служить в полицейском участке – в самом сердце мужского мироздания.

* * *

Мерта Карлссон поднялась со своего места за столом в трактире «Три рёмера» на углу Регерингсгатан. Покачнувшись, она схватилась за спинку стула, чтобы удержаться на ногах.³ Потом украдкой потянулась к корзинке и тихонько сунула хлеб себе в сумочку.

Её поджидал мужчина в пальто и шляпе, в руках у него был портфель светлой кожи. Он взял Мерту под руку, и они стали нетвердым шагом пробираться между столиками к выходу.

Мерте сегодня подфартило, да ещё и как. Этот мужчина – птица высокого полёта, могущественный и – что самое главное – состоятельный. И платил он щедро, с некоторых пор Мерте это было известно. Ко всему прочему, он не затягивал свое дело, да ещё и пах хорошо. Ни от его тела, ни из его рта не исходил этот противный дух, который Мерта не выносила.

– Могу я угостить даму сигаретой? – поинтересовался спутник, когда они с Мертой выбрались на воздух.

Она плотнее запахнула плащ и, ища опоры, схватилась за фонарный столб – Мерте казалось, что земля под ногами качается. Однако прикосновение к ледяному железу словно огнём обожгло руки. Мерта отдернула их и попыталась согреться, растирая ладони.

Её спутник вынул из кармана серебристый портсигар с гравировкой в виде щита на крышке, но мир благородных господ был страшно далёк от мира Мерты, и та понятия не имела о том, что это за герб. Ей даже не было любопытно. Она взяла предложенную сигарету и наклонилась вперед, когда её спутник привычно щёлкнул зажигалкой. Мерта втянула дым в лёгкие.

– Чёрт побери, – пробормотала она, – настоящий табак. Уже позабыла его вкус.

Мерта широко улыбнулась, слегка отвернув голову в сторону, чтобы мужчина мог видеть только левую половину её рта, где еще наличествовали все зубы.

Спутник Мерты тоже закурил.

– Не пора ли нам? – спросил он, указывая на вымощенную булыжником мостовую, которая расстилась перед ними в темноте.

Мерта кивнула, и они направились в сторону её жилища на Норра Смедьегатан. Повсюду в темноте они натыкались на небольшие компании. Один мужчина, двигавшийся по тротуару им навстречу, приветственно кивнул и приложил руку к шляпе. Спутник Мерты поспешно отвёл взгляд.

– Тшш, – предупредительно шепнула Мерта, когда они пришли на место и вошли с улицы в подъезд.

– Обещаю вести себя тихо как мышь, – шепнул он в ответ, положив руку ей на ягодицу.

¹ Клара – нижняя часть острова Норрмальм в Стокгольме, получила своё название от Церкви Св. Клары; в настоящее время название Клара является синонимом старого города.

² Варпгйкехус – вид социального жилья для многодетных и малообеспеченных семей из рабочего класса, впервые появилось в Стокгольме в 1935 году.

³ Рёмер – бокал для вина из цветного стекла, как правило, коричневого или зеленого. Заведение «Три Рёмера» являлось одним из самых известных в Стокгольме, и находилось на одном месте с 1688 г. вплоть до 1962 г.

Мерта фыркнула и потянула его вслед за собой через внутренний двор к дому на второй линии. Снежинки ложились ей на волосы, и Мерта постоянно смахивала их свободной рукой, чтобы старательно накрученные локоны не намокли.

На втором этаже она достала ключ и отперла маленькую дверцу, за которой оказалась крошечная каморка.

Как только они вошли внутрь, Мерта сразу заперла дверь и спрятала ключ в щель между половицами – бывало, что её клиенты пытались ускользнуть, не заплатив.

Мужчина подошел к ней сзади и грубо вцепился руками ей в груди. Он стал их мять и сжимать. Мерте пришлось прикусить язык, чтобы не застонать от боли. Она выждала пару мгновений, а затем вывернулась из его захвата и зажгла светильник у входа.

Вся обстановка комнатёнки, в которой едва удавалось встать в полный рост, состояла из лавки и стула. В ней не было окна, но зато прямо под крышей в одной стене было проделано отверстие. На полу у стены стоял мешок с картошкой, а рядом с ним валялась пара поломанных деревянных ящиков, которые Карл, муж Мерты, обещал починить. Прямо напротив входной двери была другая – та, что вела в комнату, где Мерта обитала с мужем и детьми. Эта дверь была такой низкой, что пришлось бы согнуться пополам, чтобы протиснуться в проём.

С другой стороны двери донесся детский плач.

Это Хольгер, её младшенький.

Вот уже две недели его мучила лихорадка и он кашлял кровью, а Мерта и не знала, что с этим поделать. У нее не хватало денег, чтобы отвести его к доктору, а просить помощи у сестер милосердия она не осмеливалась – они и так уже решили между собой, что Мерта не способна позаботиться о собственных детях.

«Хоть бы он остальных не разбудил», – подумала Мерта. Плач захлебнулся. Наверное, уснул.

Она скинула свои не по погоде тонкие туфли и положила плащ на стул. Повернулась к гостю. Сняла с него шляпу и пальто, и положила поверх своего плаща на стул. Затем привычными движениями расстегнула его ремень и пуговицы на брюках.

Брюки упали на пол, и остались лежать у его бледных ног.

Протянув руку, Мерта констатировала, что член у него слишком вялый.

Она тихонько хихикнула.

– Кто-то здесь приуныл.

– Прости?

– С таким настроением особенно не порезвишься.

Мерта засмеялась в голос, до хрипоты.

– У тебя слишком холодные руки, – ответил гость, отступая на шаг.

– Раньше никто не жаловался, – фыркнула она. Она стояла своих денег, пусть он знает, даже если ничего не выйдет.

Несмотря на то, что света от стеариновой свечи было немного, Мерта заметила, как изменилось выражение его лица. Глаза сузились, зрачки расширились, рот искривился в ухмылке. Он сделал шаг, схватил её за запястья и зашипел:

– Я не позволю какой-то шлюхе так со мной разговаривать.

Капельки его слюны брызнули ей прямо в лицо, и Мерта попыталась отвернуться.

– Ай,пусти!

Он отвесил ей такую пощечину, что Мерта потеряла равновесие и упала на пол.

– Ты просто маленькая грязная шлюшка. Понимаешь?

Мерта была скорее удивлена, чем напугана. Они ведь уже встречались прежде. Он из благородных, из знати, а такие не дерутся, и не пьют беспробудно, и всегда платят по счетам.

Гость наградил Мерту тычком под ребра, не особенно сильным, но содержимое её желудка немедленно фонтаном поднялось к небу. Рвотные массы перекрыли дыхание, и Мерта попыталась продуть нос.

Она так привыкла к побоям и от рук мужа, и от клиентов, что практически утратила чувствительность. А вот рассудок остался при ней – в этом ремесле без него никак, или долго не протянешь.

Мерта отползла к низкой дверце, что вела в её жилище, и распахнула её, а потом на четвереньках влезла в кухню.

Хольгер сидел на полу у плиты и глядел прямо на неё своими большими светлыми глазами. Из рукавов сорочки торчали тощие, отливающие синевой ручки. Взгляд Мерты зацепился за какое-то пятно у него на груди. Поначалу она решила, что это кровь, но, приглядевшись внимательнее, поняла, что малютку вырвало.

– Хольгер, – выдохнула она. – Тебе надо...

В следующее мгновение гость схватил Мерту за щиколотки и дёрнул назад. Ударившись головой об пол, она осеклась. Мерта принялась шарить в воздухе руками, пытаясь нащупать хоть что-нибудь, за что можно было бы схватиться, но ей попало лишь кухонное полотенце, край которого свисал с лавки, стоявшей у плиты. Мерта ухватила за ткань, и вместе с полотенцем потянула за собой разложенную на нём для просушки посуду, когда гость вновь рывками стал тащить её назад, в каморку. Посуда разлетелась вдребезги, и осколки рассыпались по полу.

Мерта всё ещё не чувствовала страха.

Она думала о хлебе, что прихватила в трактире. «Нужно обязательно потом отдать его Хольгеру. Раз его вырвало, ему непременно нужно хоть чуть-чуть поесть».

– Хольгер! – закричала Мерта.

Гость тем временем сантиметр за сантиметром втаскивал Мерту обратно в каморку. Личико Хольгера с глубоко запавшими глазами и пятно рвоты у него на груди исчезли из вида. Мерта ничего не могла сделать, только упрямо цеплялась за полотенце и волочила его за собой, вместе с деревянной поварешкой и осколками посуды.

Гость захлопнул дверь, наклонился и достал из своего портфеля какой-то металлический предмет.

– На спину! – прорычал он.

Когда она отказалась подчиниться, он ударил её ногой в живот. Удар был такой силы, что у Мерты перехватило дыхание.

Он рывком перевернул несчастную лицом к себе и свободной рукой схватил её за волосы, а затем с силой ударил головой об пол.

Бум. Бум. Бум.

Вот теперь Мерта завопила как безумная от невыразимого ужаса.

Впервые ей стало по-настоящему страшно – потому что в неверном свете стеариновой свечи она разглядела, что за предмет держал в руках её гость.

* * *

– Фрёкен Свеннс?

Элси поспешно вскочила с места и сделала небольшой книксен. Одёрнула форменную юбку, которая была ей тесновата.

– Да, старший констебль?

Широко расставив ноги, в дверном проёме стоял Седерборг, держа в руках старый номер «Полицейских Расследований». После секундного колебания он сощурил глубоко посаженные глаза и заговорил:

– Фрёкен Свеннс может сопровождать констеблей Буберга и Старка на улицу Норра Смедьегатан. Мы получили сообщение о серьёзном скандале в одной из квартир, но все оборудованные радиосвязью автомобили заняты, и я не могу переговорить с Обергом и Цеттерквистом.

Оберг и Цеттерквист сегодня вечером осуществляли пешее патрулирование третьей линии. Очевидно, они не заметили мигания лампочки на пожарном извещателе, и потому не телефонировали в участок. А радиомобили в последние дни всё чаще выезжали на вызовы, тем более что на весь Стокгольм таких машин было только восемь.

– Чёрт знает, где их носит, – пробормотал старший констебль. – Небось стоят и курят себе на каком-нибудь крыльце, как обычно. Шалопаи, вот они кто.

Едва он договорил, как Элси поспешно схватила со стула пальто и перчатки. Её сумочка при этом свалилась на пол и раскрылась, и оттуда вылетели несколько продуктовых талонов.

– Если, конечно, у фрёкен Свеннс нет более важных дел, – сухо закончил старший констебль.

Элси залилась краской и в спешке сгребла в кучу свои вещи.

– А мальчик? Что с ним делать?..

– Он побудет пока в предвариловке, вместе с мамашей, – нетерпеливо прервал её Седеборг. – В той квартире на Норра Смедьегатан как пить дать кишмя кишит малышня, так что я хотел бы, чтобы туда отправилась фрёкен Свеннс.

– Так точно, старший констебль.

– И будьте осторожны!

Элси подняла взгляд на начальника и серьёзно кивнула. Она надела пальто и бросила последний взгляд на маленького мальчика, теребившего край плотной бумаги, которая в целях затемнения была прикреплена к оконной раме кнопками. Взгляд его будто остекленел, а из груди внезапно вырвался хриплый кашель. На кончике маленького носа каплей повисла сопля, в свете лампы казавшаяся ярко-жёлтой.

Буберг и Старк уже поджидали её в сумерках снаружи. Редкие снежинки тут же подхватывал порывистый ветер и уносил прочь.

– Фрёкен Свеннс, – просиял констебль Буберг.

Буберг был Элси по нраву. Он всегда был приветлив, и частенько угощал её сигареткой или чашечкой суррогатного кофе. Можно было даже подумать, что Буберг питал к Элси тот самый интерес.

Вот только он женат и у них был малыш.

Буберг снова улыбнулся и потёр покрасневший нос. Взглянув в его добрые глаза, Элси почувствовала, как заныло сердце от тоски по тому, что могло бы сбыться, если бы не эта ужасная война. Она привыкла к затемнению, продуктовым талонам и палёному кофе. Элси научилась обходиться без горячей воды и новой одежды. И даже ужасные толстые трубы, которые повсеместно лежали в парках, чтобы те, кому не посчастливилось спрятаться в бомбоубежище, могли во время авианалёта укрыться под их защитой, – даже эти уродливые трубы не беспокоили Элси. Но тоска по утраченному будущему, которое принадлежало им с Акселем и их малютке-дочке, не отпускала ни на мгновение. Эта тоска точила её душу по ночам и следовала за нею по пятам днем, словно маленький злобный зверёныш, непрошенный и нежеланный питомец, которого по непонятной причине ей приходилось кормить.

Вместе они быстро миновали небольшой участок пути до Дроттнинггатан и свернули направо. В сумерках мимо проехал omnibus. Вплотную к фасадам домов примыкали аккуратно сложенные штабеля дров, за которыми вольготно обитали жирные городские крысы. Компания перевозбужденной свингующей молодежи направлялась, по всей видимости, в какое-то заведение или даже подпольный клуб. Несмотря на явный мороз, полы их пальто были распахнуты, и узкие черные галстуки развевались на ветру, как флаги. Каждый из них одной рукой удерживал на затылке широкополую шляпу, чтобы её не унесло ветром.

У входа в гостиницу «Хотель де Суэде» сгрудилась кучка пёстро одетых гуляющих, а водитель стоящего поблизости такси возился с газогенератором. С другой стороны улицы сияли стеклянные эркеры гостиницы «Хотель Регинас» и её массивные, отполированные добела латунные двери. Аксель, бывало, отпускал шутку, что брачную ночь нужно провести в этой гостинице, и причём в том самом номере, где в 1917 году ночевал Ленин.

Ветер трепал старую листовку. «Русские бомбят Стокгольм», с ужасом прочитала Элси заголовок.

Еще и недели не прошло с тех пор, как русские действительно бомбили шведскую территорию. Может быть, по ошибке, а возможно – вполне намеренно, здесь мнения людей разнились. В Эриксдале пострадала насосная станция, а на улице Рингвеген взрывная волна раскрошила, словно тонкий лёд, все оконные стёкла.

– Фрёкен Свеннс лучше держаться на шаг позади, когда мы войдем, – сказал Буберг. – Гражданин, который звонил нам, предупредил, что в квартире была какая-то бойня. Звуки были такие ужасные, что соседи решили – дом рухнет.

– Хорошо, – отозвалась Элси, ощущая прилив благодарности к двум крепким констеблям. Она не так уж часто принимала участие в подобных заданиях, особенно теперь. Да и не пристало женщине в одиночку шляться по Болоту (так ещё называют район Клара) в такое позднее время.

Они спустились по Хамнгатан. Впереди уже можно было различить силуэты универмага Сиденхюсет и театра Бланш. Со стороны доносился скрип трамвая, подъезжавшего к площади Норрмальмсторьет.

Мороз кусал за щеки, так что Элси зарылась лицом в воротник и нахохлилась. Им оставалось только повернуть направо, к Норра Смедьегатан.

– Его зовут Карл Карлссон, – сообщил Старк, который до того не произнес ещё ни слова.

Старк обычно бывал суров и молчалив, и Элси до сей поры так и не разгадала, стеснение ли было тому виной или же попросту дурное воспитание. Возможно, причина крылась и в том, и в другом. Или же он был одним из тех, кто считает, что женщинам не место на полицейской службе.

– Карлссон? Снова он? – переспросила Элси.

Карл Карлссон – известный пьяница и бузотёр. В последний десяток лет он только и делал, что как маятник возвращался в стены Лонгхольмена. Его жена, Мерта Карлссон, тоже попадала в поле зрения правоохранителей. Она, как и муж, дружила с бутылкой, а ещё вела распутный образ жизни и даже была осуждена за проституцию и бродяжничество.⁴

Через несколько минут они были на месте.

– Вот и пришли, – констатировал Буберг и распахнул входную дверь. Они оказались на неосвященной лестнице и на мгновение остановились, чтобы прислушаться. Единственными звуками, которые доносились до них из-за толстых каменных стен, были приглушённый кашель и детский плач.

– Кажется, всё спокойно, – пробормотал Буберг.

В тот же миг зажёгся свет, и на лестницу вышел мужчина. Маленький, сторбленный, одетый в полосатую рубаху без ворота и грубые рабочие штаны. Он представился сторожем и сказал, что его зовут Стаке. Это он телефонировал в полицию по поводу скандала. Стаке открыл дверь во внутренний двор и обернулся к Бубергу.

– Остерегайтесь Карлссона, господа констебли. Когда он выпивши, с ним не сладить.

На тонком слое снега чернела цепочка следов. Сложенные дрова подпирали стены дома, велосипед с искривленным передним колесом был прислонён к водосточной трубе. Осыпав-

⁴ Центральная тюрьма Лонгхольмен – исторически одна из крупнейших в Швеции, построена в 1874–1880 гг.

шаяся кое-где штукатурка придавала дому израненный вид, и в целом он был похож на старую большую дворнягу.

Они вошли в дом. Потолки здесь оказались ниже, и в воздухе стоял тяжёлый дух – помоев, дыма и протухшей еды.

– Второй этаж, – вполголоса сообщил Старк, и первым пошёл вверх по узкой лестнице.

Элси отступила в сторону, чтобы констебль Буберг мог пройти вперёд. Тот резво зашагал через две ступеньки, так что зазвенел штык в черных ножнах на его португее. На первом этаже у входа стояли инструменты – тиски, лопата и кирка, острым концом кверху.

Полицейские поднялись на второй этаж. Старк постучал в дверь, но ничего не произошло. Они с Бубергом переглянулись, и Старк наудачу нажал на ручку двери. Та со скрипом отворилась.

Комната оказалась тесная и сырая, внутри воняло рвотой и мокрой шерстью. В тусклом свете керосиновой лампы, стоявшей на столе у плиты, Элси разглядела жавшихся на полу детей. Их была целая куча, она насчитала семерых, всем не было и десяти лет. Пара волосяных матрасов да несколько потрепанных одеял лежали горой. Осколки разбитой посуды покрывали пол у дровяной плиты.

– Что здесь произошло? – спросил Буберг, снимая с головы каракулеву шапку с золотой кокардой.

Дети молчали. Только сбились в кучку еще ближе друг к другу, став похожими на бесформенное вихрастое существо.

Буберг со Старком принялись оглядывать тесное жилище, а Элси опустилась на корточки подле детей.

– Добрый вечер, ребята, – сказала Элси. – Меня зовут Элси Свеннс, я работаю полицейской сестрой. Что у вас здесь случилось?

Дети молча глядели на неё тёмными испуганными глазищами. Они были растеряны, совсем как мальчонка в полицейском участке. Элси снова попыталась до них достучаться, но дети не хотели разговаривать. Может быть, были сильно напуганы, а может, попросту не желали якшаться с блюстителями порядка, как и многие другие обитатели Болота.

Элси встала на ноги – она хотела осмотреться, попытаться отыскать ниточку, которая могла бы привести к разгадке случившегося. На полу рядом с дровяной плитой сидел малыш, на вид не старше двух лет. Черты лица было не разглядеть – до того чумазый. Длинные спутанные пряди волос спадали на неестественно худые плечики. Одежка на нём была нестиранная, заляпанная и зияла огромными дырами. Малыш – непонятно даже, какого пола – сосал тряпицу, обвязанную вокруг большого пальчика.

Слева в кирпичной стене обнаружилась маленькая дверца, высотой взрослому человеку чуть выше пояса. Должно быть, старая кладовка.

Элси осторожно отворила дверцу, наклонилась вперед и пролезла в проём.

В тёмной камерке не было окон, если не считать отверстия в стене под самым потолком. Элси моргнула, чтобы глаза поскорее привыкли к темноте. Наконец она смогла разглядеть лавку и стул. Но затем её взгляд упёрся в нечто столь ужасное, что волосы встали дыбом. В панике Элси принялась судорожно хватать ртом воздух и с громким стуком уронила на пол сумочку.

На полу камерки навзничь лежало женское тело с раскинутыми в стороны руками. Подол был задран до самого пояса, оголяя лобок. Из рта что-то торчало. Выглядело это так, будто кто-то воткнул деревянную поварешку несчастной в горло. Тоненькая струйка крови запеклась на подбородке. Руки женщины были перепачканы кровью, и что-то странное – уж не шляпки ли гвоздей? – возвышалось над её раскрытыми ладонями, будто кто-то прибил её к полу молотком, распял на этих ветхих, полусгнивших половицах. Глаза женщины потускнели, словно покрытые тончайшим слоем пыли.

Едва только Элси собралась наклониться, чтобы проверить, есть ли у несчастной пульс, как в каморку вслед за ней протиснулся Буберг и отодвинул Элси в сторону.

– Спаси нас Господь, – пробормотал Буберг, наклонившись над головой женщины.

Приглушенным голосом он сообщил:

– Мерта Карлссон. Мертва, как камень.

И в следующий же миг раздался вопль Буберга:

– Берегись!

Элси слишком поздно заметила тёмный силуэт, приближавшийся из дальнего угла каморки. Сгусток крошечной тьмы, оживший в окружающем мраке.

– Беги! – скомандовал Буберг, и Элси подчинилась. Она согнулась пополам и выскочила наружу через низкую дверцу; минуя детей и констебля Старка, Элси помчалась к выходу. Но форменная юбка стесняла движения, и Элси всё отчётливее слышала за спиной стук приближающихся шагов.

Чёрный человек был очень быстр, гораздо быстрее Элси. Он настиг её на лестнице. Элси почувствовала, как ноги её отрываются от земли, а в следующий миг она уже кубарем летела вниз по каменным ступеням, безвольно, словно тряпичная кукла. Локти больно стучали об пол, челюсти непроизвольно смыкались и размыкались, пока наконец Элси с треском не влетела носом в стену, и её падение завершилось ударом затылка о каменный пол. Волна боли захлестнула её, а чёрный человек тем временем успел спуститься вниз. Взглядом тёмных глаз он обшарил Элси, и она ещё успела различить исходивший от него алкогольный дух.

Он мог бы оставить её там, бежать дальше, скрыться в Болоте под покровом темноты – ведь Элси едва ли могла бы его задержать. Но чёрный человек поступил иначе. Он схватил Элси за плечи, рывком поднял, заглянул ей в глаза, а затем резким движением отпустил.

Элси услышала треск и почувствовала, как что-то холодное впивается ей в затылок.

В то же мгновение пришла боль и одновременно осознание – чёрный человек, должно быть, насадил её затылок прямо на острый конец кирки, которая стояла здесь, у входа, прислоненная к стене. Картинка перед взором Элси стала блёкнуть, и боль отступила.

Рядом с Элси внезапно возник Буберг, на лице которого читались недоверие и страх. И тут Элси увидела молодую пару в парке Мосебакке – они курили одну сигарету на двоих. Баржи с лесом вытянулись вереницей вдоль променада Страндвеген. Бритт-Мари сладко спала в своей кровати, а Вальдемар как раз собирался сделать глоток сваренного Хильмой кофе. Элси как на ладони увидела весь Стокгольм – всех живущих и всех живших там прежде людей.

А в центре этой картины была её мама, умершая от испанского гриппа. Рядом с мамой – Аксель, в обнимку с одной из старых высокогорных коров, которых до войны разводила его семья. Аксель был молод, силен, и широко улыбался Элси.

Он протянул ей руку, и Элси приняла её.

Вот так в холодное, голодное и страшное время в стокгольмском районе Клара встретила свою смерть Элси.

Она превратилась в тень и отправилась в страну вечного забвения.

Но в тот же миг, когда закончилась её история, уже началась другая. В некотором смысле смерть Элси – это начало всего, волшебное семечко, из которого суждено было вырасти могучему дереву.

Потому что нет конца историям, и новые берут начало там, где находят покой уже рассказанные.

Элси похоронили в начале марта. Вдова со своими тремя детьми, Хильма и Вальдемар, несколько констеблей из участка, да ещё одна полицейская сестра пришли с нею проститься.

Следующей весной кончилась война. Мир принялся зализывать кровоточившие раны, пытаясь осознать, что же с ним такое произошло. Впоследствии окажется, что времени на это потребуется больше, чем кто-либо тогда мог предположить.

У констебля Буберга родился второй ребёнок. Он всё реже думал об Элси, даже несмотря на повторяющийся время от времени кошмар, в котором та умоляла его вытащить кирку из её затылка. Несмотря на это, Буберг не забыл, как однажды в участке Элси тихонько играла в уголке с маленькой девочкой, чья мама попала под трамвай. Это событие оставило след в его душе – возможно потому, что и сам Буберг потерял мать в детстве.

На смену весне приходило очередное лето, а на смену осени – зима. Перелистывая страницы календаря, шли годы.

В стокгольмском Болоте, в районе Клара, не осталось и следа от прежней нищеты. Старую застройку постепенно сменили высокие, светлые, стремящиеся к небу дома.

Не было больше никаких голодных малышей, умирающих от кори или чахотки. Давно развеялось зловоние помоев и переполненных выгребных ям.

В конце пятидесятых годов двадцатого века появились первые женщины-полицейские, и по чистой случайности женское подразделение было размещено именно в Болоте, так как в других полицейских округах не было «удобств» для женщин. «Юбочный патруль», как их прозвали, вызвал в обществе переполох. Женщин-полицейских наделили ровно теми же полномочиями, что были у их коллег-мужчин, разве что вместо штыков их вооружили дубинками.

Старший констебль Седерборг, как и множество его коллег, презирал женщин на полицейской службе. К тому же, он никак не мог взять в толк, почему именно Кларе выпало столь тяжкое бремя – ведь очевидно, что это было совершенно несправедливо со стороны прочих полицейских участков. Ведь и профсоюз полицейских Стокгольма – Товарищество – продолжал упрямо гнуть свою линию: женщинам в полиции не место. Во всяком случае, должности констеблей – не для них. И уж тем более – патрульных, очевидно, по причине недостатка физической силы. И ещё нельзя позволять им водить радиомобили, ведь это может отвлечь водителей-мужчин. Что скажут люди, когда кто-нибудь из полицейских съедет в кювет из-за того, что загляделся на коллегу?

Но сделать пешее патрулирование прерогативой мужчин, а женщинам оставить внутреннюю службу – тоже не выход. Это было бы несправедливо по отношению к мужчинам, которым приходилось, как минимум, лет по семь кряду стаптывать туфли, чтобы только получить надежду на повышение. Вот поэтому наилучшим выходом представлялось вовсе запретить женщинам службу в полиции.

Однажды в минуту сильной агитации старший констебль Седерборг заявил подчинённым, что скорее съест свой старый шлем, чем позволит ещё хоть одному полицейскому в юбке ступить на порог четвертого полицейского участка.

Но Седерборгу так и не довелось отведать свой шлем на вкус. В декабре 1961 года в радиомобиль, за рулём которого находился Седерборг – Форд Кастомлайн 1958 года выпуска, – врезался фургон, перевозивший стальные трубы для строительства Вэллингбю-центра. В результате столкновения одна из труб пробила ветровое стекло радиомобиля и насквозь прошла грудь старшего констебля. Водитель фургона чудом выжил, однако Седерборг скончался на месте происшествия, не приходя в сознание.

Бритт-Мари – ребёнок, которого Элси вынуждена была отдать на воспитание – росла и расцветала в доме Вальдемара и Хильмы. Они обещали друг дружке, что однажды откроют ей правду, ведь это решение представлялось им единственно верным.

Однако это событие всё время откладывалось.

Раз за разом они принимали решение еще немного подождать – ведь говорить правду не всегда легко.

Весной 1959 года Бритт-Мари исполнилось восемнадцать лет, и Хильма с Вальдемаром поняли, что дольше тянуть с признанием нельзя. Они рассказали Бритт-Мари об Элси и передали ей помолвочное кольцо, которое Аксель однажды подарил своей невесте.

Бритт-Мари повесила колечко на тонкую золотую цепочку, и с тех пор не снимая носила на шее. Это было единственное, что досталось ей от матери, и это сокровище Бритт-Мари берегла как зеницу ока.

Может быть, на её решение повлияла трагическая судьба Элси, напоминавшая о себе тяжестью золотого колечка в шейной впадинке. Может быть, виной тому послужили многочисленные газетные репортажи об «этих полицейских в юбках», только в том же году Бритт-Мари приняла решение поступить на службу в полицию. Хильма и Вальдемар, которых планы дочери вовсе не привели в восторг, уговорили её позаниматься для начала обычной работой, так что Бритт-Мари устроилась продавцом в магазин швейных принадлежностей.

Работа оказалась, как и предполагала Бритт-Мари, скучнее некуда, так что в 1967 году она решила получить образование, необходимое для службы в полиции, даже несмотря на то, что Вальдемар на своём смертном одре умолял её этого не делать.

Формальные требования она выполнила с лихвой: её сто семьдесят сантиметров роста были на целых пять сантиметров выше, чем требовалось. К тому же, на руках у Бритт-Мари была медицинская справка о том, что она имеет подходящее для службы телосложение. Она умела водить машину и печатать на машинке, а в довершение, словно всего перечисленного было недостаточно, Бритт-Мари ещё умела плавать и имела высокий средний балл в аттестате.

Мужчина, который проводил собеседование с Бритт-Мари, носил очки в роговой оправе, и в течение всего разговора не переставал улыбаться. Бритт-Мари никак не могла распознать его истинный настрой и стала нервничать и потеть.

Мужчина, однако, благосклонно кивал на все её ответы и попутно делал записи, которые она без труда могла прочесть со своего места.

«Слишком велика для женщины, однако прекрасно подходит для полицейской службы», – записал он в своём формуляре.

Бритт-Мари приняли на службу в качестве полицейского стажёра, и той же осенью ей предстояло пойти на офицерские курсы. Из двух сотен стажёров набралось всего пять женщин, однако они вскоре освоились. Бритт-Мари выучила, как следует отдавать честь, будучи одетой по форме, – женщинам, которые не проходили армейскую службу, приходилось долго упражняться. Она научилась обращаться с табельным оружием, получила опыт регулировки дорожного движения, а также наловчилась лихо маневрировать между конусами на автодроме за рулем чёрного «Крайслер Вэлиант», принадлежавшего полицейской школе.

После обязательного сорокандельного курса обучения Бритт-Мари должна была приступить к службе в должности постового. Однако все её планы рухнули, так как внутри ведомства начались жаркие дискуссии. Действительно ли женщинам подходит наружная полицейская служба, предполагающая ношение формы, учитывая высокие требования к физической силе и выносливости, а также психической стабильности?

В 1969 году вновь избранное руководство Главного полицейского управления совместно с Шведским Профсоюзом Полицейских приняли решение о командировании по завершении обучения всех прошедших экзамен женщин-полицейских на службу в следственные и секретные подразделения.

Другими словами, женщинам более не дозволялось носить форму, так что Бритт-Мари предстояло заняться кабинетной работой. Она была разочарована, но в её жизни происходило столько всего сразу, что она не позволила себе впасть в уныние. Бритт-Мари получила назначение в местечко Суллентуна в предместье Стокгольма, где стала снимать комнату у престарелой учительницы. Там у неё появились новые друзья и товарищи по службе.

Так что если Элси была семечком, то Бритт-Мари стала деревом. Центром, вокруг которого завертится эта необычная история.

История эта началась одним теплым вечером где-то среди черёмух и сирени, между городом и деревней, в промежутке между беззаботным девичеством и семейной жизнью.

Вскоре Бритт-Мари предстояло включиться в охоту за Болотным Убийцей.
Но ей это пока было неизвестно...

Бритт-Мари Эстертуна, 1971–1974

2

Косые лучи вечернего солнца насквозь пронизывали кроны сосен, и ажурные, кружевные тени ложились на грунтовую дорогу, лента которой расстилалась под колесами велосипеда Бритт-Мари, возвращавшейся со стрельбища Йервафельтет. В прохладном лесном воздухе стоял дух хвои и влажной земли.

Мышцы ног заныли от напряжения, когда Бритт-Мари верхом на своем велосипеде принялась форсировать холм, в низине, за которым лежала Эстертуна.

До маленькой уютной комнаты, которую Бритт-Мари снимала в Хеленелунде, оставалась всего пара километров.

В ушах до сих пор звенело – она провела несколько часов на стрельбище, но хотя, подобно большинству своих сослуживцев, использовала пустые гильзы в качестве берушей, это не помогло. Были и другие способы приглушить шум стрельбы. Сольвейг, например, использовала промасленную вату. Но парни никогда не подумали бы разгуливать с ватой в ушах, а Бритт-Мари ни в чем не желала им уступить.

Она знала, что к вечеру звон в ушах уже станет тише, а наутро от него вообще останется лишь слабый отголосок – еле слышный шёпот, напоминающий о вчерашнем занятии.

Бритт-Мари хорошо стреляла, в своей группе она была одной из лучших. Летом она планировала вступить в стрелковый клуб. Бритт-Мари хотела участвовать в соревнованиях – она знала, что могла бы занимать призовые места, нужно только почаще упражняться.

Добравшись до вершины холма, Бритт-Мари на мгновение залюбовалась панорамой Эстертуны, расстилавшейся у его подножия, но внезапно её ослепил луч заходящего солнца, и Бритт-Мари инстинктивно зажмурилась. Может быть, потому она и не заметила тот камень на самом краю дороги. Камень был небольшой, но и такого хватило, чтобы потерять равновесие. Велосипед вильнул и полетел в канаву.

Бритт-Мари выругалась сквозь стиснутые зубы, выбралась из канавы и принялась отряхивать с одежды хвою и комья влажной земли.

Особенной боли она не почувствовала, но джинсы на одном колене были разорваны в пух и прах, и на светло-голубой ткани расплывалось тёмное пятно крови.

Бритт-Мари бросила взгляд на свой велосипед. Цепь слетела, но в целом он выглядел удовлетворительно. Колёса не перекошились, и когда Бритт-Мари в качестве эксперимента провела велосипед несколько метров по обочине, никаких других дефектов не обнаружилось.

Бритт-Мари опустила на колени и принялась руками прилаживать покрытую мазутом цепь на место, но вскоре поняла, что ей с этим не справиться.

– Не нужна помощь?

Бритт-Мари вскочила и обернулась на голос.

Он, должно быть, был на несколько лет её старше. Худощавый, с широкой улыбкой. Длинные волосы цвета спелой пшеницы свисали на лицо, закрывая один глаз, руки – в карманах джинсов-клёш.

– Сдается мне, что для ремонта потребуются инструменты, – отозвалась Бритт-Мари.

– Всё в порядке? – спросил он, указывая на её колено.

– В полном. Это всего лишь царапина. Меня больше беспокоит велосипед.

– Хмм, – задумался он, сделав несколько шагов навстречу и присев на корточки возле велосипеда. Он немного потыкал в цепь пальцем, который и так выглядел не слишком чистым, и кивнул.

– Пойдем со мной, – скомандовал он, поднимаясь на ноги.

– Куда?

Он забрал велосипед из её рук и зашагал по направлению к Эстертуне.

– Ко мне на работу, – ответил он с улыбкой. – Там я смогу его починить. Это займет не больше минуты.

В обычном случае Бритт-Мари и не подумала бы идти куда-либо с незнакомцем, которого повстречала в лесу. Но у него оказались такие обезоруживающие манеры, такая открытая улыбка, и к тому же, велосипед нуждался в починке, так что Бритт-Мари отбросила сомнения.

– Меня зовут Бьёрн, – представился он.

– Бритт-Мари.

– Куда ты ехала?

– В Хеленелунд, я там живу. Я ехала со стрельбища.

Бьёрн удивлённо поднял бровь и немного сбавил обороты.

– Стрельбище. Мне уже нужно бояться?

– Всё зависит от тебя. Я из полиции.

Его улыбка стала ещё шире.

– Вот чёрт. Никогда бы не подумал.

– Да? А о чём же ты тогда подумал? – поинтересовалась Бритт-Мари, смахивая с лица нескольких надоедливых мошек, которые упрямо кружились вокруг неё.

Бьёрн встретился с ней взглядом, пожевал губами, но так ничего и не ответил.

Рабочим местом Бьёрна оказалась автомастерская на окраине Эстертуны. Как он и обещал, починка велосипеда отняла не больше пары минут.

– Как новый, – отрекомендовал он, похлопав велосипед по седлу мозолистой ладонью, на которой старые, вьевшиеся пятна мазута теперь перемежались свежими.

– Огромное спасибо. Не знаю, как тебя благодарить.

Бьёрн снова приподнял одну бровь, и Бритт-Мари, к собственному удивлению, поняла, что уже вполне по-свойски воспринимает эту его привычку.

– Зато я знаю, – выпалил он.

Она не успела ничего ответить, как он снова заговорил:

– Поехали со мной завтра купаться на озеро Тунашён. Будет жарко.

Она заколебалась.

– Даже не знаю.

– Ты завтра работаешь?

– Нет, но...

На самом деле она хотела сказать, что они ещё совершенно не знают друг друга, но, встретив его сияющий взгляд, растерялась.

– Встречаемся здесь в десять, – скомандовал Бьёрн, указывая на парковку возле автомастерской, где в ожидании ремонта или обслуживания выстроились шеренги автомобилей. Потом он развернулся и пошёл прочь, не дожидаясь её ответа. Он принялся насвистывать мелодию, которая показалась Бритт-Мари знакомой, а потом исчез из виду среди домов.

По пути домой Бритт-Мари думала о Бьёрне. О его мускулистых ногах и дочерна загорелых руках. О его волосах, растрёпанных, как мочало – так сказала бы мама, – и о лукавом взгляде его глаз из-под приподнятых бровей.

Воздух к вечеру стал прохладнее, но несмотря на это, кожа Бритт-Мари пылала. Она решила, что, должно быть, обгорела на солнце.

Бьёрн кого-то ей напоминал, только кого?

Проезжая мимо раскрытого окна, она услышала хорошо знакомый мотив, и сразу всё поняла.

Бьёрн Скифс.⁵

Он выглядел точь-в-точь, как Бьёрн Скифс.

Они лежали на одеяле на берегу озера Тунашён.

Сегодня общение складывалось более гладко. Ручеёк беседы плавно вился, словно эти двое были знакомы уже давно. Словно позади осталось уже много часов таких разговоров, и они были уже достаточно близки, чтобы заслужить доверие друг друга, несмотря на то, что на пляже провели не более часа.

У кромки воды резвились несколько ребятишек, а на лугу, который раскинулся между пляжем и лесом, отдыхающие расстелили разноцветные пледы и разложили еду для пикника.

Бритт-Мари была рада, что взяла бутерброды, потому что всё, что прихватил с собой Бьёрн, это пиво. Несмотря на то, что пиво ей тоже нравилось, сыт им точно не будешь.

– Держи, – сказала она, протягивая Бьёрну аккуратно завернутые в пергаментную бумагу бутерброды с колбасой.

– Вот спасибо, – обрадовался он, и в ответ протянул ей ещё бутылочку пива.

Он продолжал свой рассказ:

– Потом я вернулся обратно в подвал маминого таунхауса, где, собственно, мне живется совсем неплохо. Во всяком случае, побуду там, пока не подыщу себе что-нибудь другое. Не по таким заоблачным ценам. А что твои родители?

– Хильма и Вальдемар – мои приёмные родители, – отозвалась Бритт-Мари, и сама удивилась, с какой лёгкостью она это сказала. Как будто быть приёмным ребенком – самая обычная вещь на свете.

Если Бьёрн и был удивлён, сейчас он этого не показывал.

– Ясно, – отозвался он.

– Папа умер несколько лет назад.

Бьёрн промычал что-то невнятное в ответ, подхватил пустую бутылку и одной рукой отправил её в мусорку, стоящую поодаль. Бутылка перелетела через пункт назначения, и Бьёрн подавил разочарованный вздох, но не предпринял попытки подобрать её.

– А твоя мать? Она здесь живёт? – спросил он.

– Нет, после папиной смерти она перебралась в Хёганэс.

Бритт-Мари задумалась о своей маме и прикрыла глаза, подставив лицо лучам солнца.

Прошло уже больше десяти лет с тех пор, как Бритт-Мари узнала о том, что родители её удочерили. Несмотря на то, что она продолжала любить мать так же сильно, невозможно было отрицать тот факт, что в их отношениях что-то изменилось, когда Бритт-Мари узнала правду об Элси. Бритт-Мари казалось, что больше она не могла положиться ни на кого и ни на что.

Словно в мире не осталось ничего по-настоящему неизблемого, постоянного.

Отголоски этого открытия теперь звучали в отношениях Бритт-Мари с матерью. Бритт-Мари больше не могла вести с ней такие же долгие доверительные разговоры, как бывало до, ибо правда – или скорее ложь – заставила их отдалиться друг от друга.

Это не изменилось, даже когда мама заболела.

Пару лет назад ей диагностировали рак груди, и несмотря на то, что врачам удалось сдержать прогрессирование болезни, исход всё ещё оставался неясным. Бритт-Мари переживала за неё и несколько раз пыталась ей об этом сказать. Но у неё ничего не вышло, потому что всякий

⁵ Шведский певец, автор песен, актёр и сценарист, род. в 1947 г.

раз, как Бритт-Мари предпринимала очередную попытку, она никак не могла избавиться от образа Элси, и думала лишь о том, как долго мама с папой скрывали от неё правду.

Бьёрн повернулся и положил руку ей на бедро.

У Бритт-Мари сладко зануло где-то в животе и кожа зажглась от его прикосновения. Она пододвинулась поближе, закинула нагретую солнцем ногу поверх его ноги, и заглянула в его ясные голубые глаза.

Не отводя взгляда, он медленно поднял руку и, лаская, провёл указательным пальцем по её груди.

Его прикосновения пробудили к жизни давно подавленное желание.

Прошло уже два года с тех пор, как Бритт-Мари порвала с Эйнар, и теперь, спустя столько времени, она не могла понять, почему так долго тянула с разрывом. Эйнар был до чрезвычайности скучен: единственное, что его интересовало в жизни – собственная коллекция марок. А после Эйнара Бритт-Мари не встречала никого, кто мог бы заставить её что-то почувствовать.

До сих пор. До сегодняшнего дня.

– Поедешь со мной? – спросил он, задержав палец на кончике её соска.

Волна желания поднялась внутри неё.

Бритт-Мари без колебаний ответила согласием. Словно ответ только и ждал того, чтобы сорваться с языка. Словно всю свою жизнь она ждала этого вопроса. От него.

Да, да.

Четырьмя месяцами позже они поженились и стали ожидать появления на свет ребёнка.

3

Бритт-Мари стояла в кухне маленькой двухкомнатной квартиры, которую их молодой семье предоставило жилищное агентство. Поставив в сумку контейнер с едой, она бросила взгляд на Эрика, на первый взгляд, бесцельно копошившегося на полу среди игрушек.⁶

Бритт-Мари обернулась к Бьёрну.

– Вы справитесь?

Бьёрн промолчал.

По радио диктор монотонно зачитывал новости. Хотя ничего нового не было: феномен Баадера-Майнхоф, ИРА, Вьетнам.⁷

Бритт-Мари начало казаться, что война во Вьетнаме идет уже целую вечность. Сводки с далеких полей брани долетали до слушателей уже несколько лет.

«В каком страшном мире мы живём», – подумала Бритт-Мари, и в который раз напонила сама себе, какой счастливый ей выпал жребий: жить под мирным небом, иметь крышу над головой, и прежде всего – быть вместе со своей семьей.

Наконец-то у неё была собственная семья, настоящая. Теперь уже не имели никакого значения все прошлые беды и трудности – её жизнь в приёмной семье, вся эта ложь, папина смерть.

А сейчас Бритт-Мари собралась выходить на работу, да не куда-нибудь, а в полицейский участок Эстертуны.

По правде говоря, этот факт радовал Бритт-Мари значительно больше, чем она готова была признать, – ибо несмотря на то, что ей нравилось быть мамой, домохозяйка из неё вышла никудышная. Так что едва ей поступило предложение выйти на службу в участок, Бритт-Мари без промедления ответила согласием, невзирая на протесты мамы, которая считала, что выходить на работу до того, как ребенку исполнится три года, – совершенно недопустимо.

Бритт-Мари выключила радио, подошла к Эрику и приложила ладонь к его лбу.

Уж не поднялась ли у него температура?

С тех пор как у мамы нашли рак, Бритт-Мари стала чересчур много думать о болезнях. И эта тревога лишь возрастала сообразно переменам в её жизни – знакомству с Бьёрном, замужеству, материнству. Теперь слишком многое было поставлено на карту, слишком многое могло в любой миг пойти прахом.

– Ты что-то сказала? – сонно промямлил Бьёрн.

– Я спросила, справитесь ли вы?

– Конечно, – отозвался Бьёрн, не отрываясь от газеты. – Она вот-вот придёт.

Она – это Май, его мать.

Она должна будет присматривать за Эриком, пока Бритт-Мари на работе. Май сама предложила забирать Эрика на день к себе, и конечно, в её таунхаусе ему будет гораздо лучше – ведь там гораздо просторнее и есть собственный сад.

Помощь Май – вынужденная мера в ожидании места в детском саду, в этом были согласны оба – и Бьёрн, и Бритт-Мари. Альтернативой для неё было стать домохозяйкой, но сама мысль о таком исходе заставляла её нервно поёжиться.

⁶ *Жилищное агентство распределяет жильё между очередниками, исходя из срока пребывания в очереди.

⁷ Феномен Баадера-Майнхоф, также Иллюзия частотности – когнитивное искажение, при котором недавно узнаваемая информация, появляющаяся вновь спустя непродолжительный период времени, воспринимается как необычайно часто повторяющаяся.

Пот капал со лба и капли сбегали вниз, между грудей – не только из-за жары, но и потому, что Бритт-Мари пришлось пробежаться, чтобы успеть вовремя. К тому же, она нервничала из-за температуры у Эрика.

В то же время, во всем теле ощущалось радостное щекотание в предвкушении нового жизненного этапа.

Наконец-то Бритт-Мари сможет начать работать.

– Добро пожаловать, – произнесла женщина в приёмной, которая представилась, как Сив. У неё была такая широкая улыбка, что заметно было, как сверкают золотые коронки на верхней челюсти. – На прошлой неделе мы разговаривали по телефону. Отдел по расследованию насильственных преступлений, верно?

– Верно, – согласилась Бритт-Мари, выпрямляя спину и в очередной раз наказывая себе не сутулиться. Было время, когда Бритт-Мари стеснялась своего стасемидесятисантиметрового роста, заставлявшего её чувствовать себя неуклюжей и неженственной. Но на полицейской службе высокий рост давал свои преимущества: все думают, что ты сильная, и даже если на самом деле это не так, правонарушителям это внушает почтение.

До той степени, до какой в наше время мужчина ещё мог испытывать почтение к женщине.

– Как чувствует себя маленький? – прочирикала Сив.

– Отлично. Скоро выживет нас из дому.

Сив улыбнулась и поправила на своей пышной груди чересчур тесную блузку горчично-жёлтого оттенка.

– Я сейчас позвоню комиссару Фагербергу, – сообщила она, бросив тоскливый взгляд на коробочку «Принца», лежавшую рядом с серым телефонным аппаратом.⁸

– Простите, но у меня тоже назначена встреча с комиссаром Свенном Фагербергом.

Бритт-Мари обернулась на голос, и обнаружила у себя за спиной улыбающегося незнакомца. На нём была тесная рубашка, воротник которой отличался удлиненными концами, галстук в коричневую полоску и коричневый пиджак. Вьющиеся каштановые волосы незнакомца были коротко пострижены, отчего его рыжеватые бакенбарды казались ещё длиннее – они висели, как два беличьих хвоста, возле ушей. Веснушки разного размера были беспорядочно разбросаны по его лицу, словно острова в океане. Над переносицей угнездилось особенно крупное пятно – оно навело Бритт-Мари на мысль о континентах на карте мира, вот только она не могла вспомнить, на который из них оно было похоже.

География никогда не была её коньком.

– Рогер Рюбэк, – представился незнакомец. – Инспектор уголовной полиции Рюбэк, – добавил он. – С сегодняшнего дня я здесь работаю.

– Вот оно что! В таком случае, добро пожаловать! – расплылась в улыбке Сив, бросив быстрый взгляд в сторону Бритт-Мари.

Рогер тоже посмотрел на неё. Они пожали руки и представились друг-другу по форме.

– Я из Фалуна, – пояснил он, когда Бритт-Мари отметила, что его речь не похожа на местную.

Бритт-Мари заинтересованно кивала, пока он рассказывал о своём переезде и о семье, которая осталась в Даларне. В столице ощущалась сильная нехватка полицейских кадров, так что никому не была в новинку практика командирования полицейских с территорий в Стокгольм для замещения вакантных должностей.

Дверь за стойкой приёмной распахнулась, и оттуда вышел мужчина, одетый в серый костюм. Издалека он мог показаться худощавым и тщедушным, но как только он приблизился,

⁸ Марка сигарет.

стало очевидно, что тело у него жёсткое и поджарое, а на бледном лице отчётливо проступали волевые черты.

Вошедший представился. Он оказался комиссаром Фагербергом. Его взгляд задержался на Бритт-Мари, возможно, чуть дольше необходимого, прежде чем он сделал обоим новичкам приглашающий жест рукой.

– Предлагаю пройти внутрь, – сказал он и направился к лестничной клетке, игнорируя лифты.

– Отлично, – отозвался Рюбэк, словно это был вопрос, а не констатация. Бритт-Мари утвердительно кивнула в спину Фагербергу.

Тремя лестничными пролётами выше они оказались в отделе по расследованию насильственных преступлений. Бритт-Мари вытерла со лба пот и поправила каштановую чёлку.

Помещения в отделе выглядели современно, пол в коридоре покрыт оранжевым ковролином, а филенчатые двери кабинетов были из тёмного дерева. Рядом с каждой дверью в стене имелись стеклянные вставки, так что заглянуть в кабинет можно было прямо из коридора. В дальнем конце коридора располагались туалеты и небольшой буфет с кофеваркой и крошечным холодильником.

Они поздоровались с парой коллег. Первым был Кроок, приземистый финн лет пятидесяти на вид, с потными руками и слезящимися глазами. Он заявил, что новички могут звать его Пеккой. Второй оказалась фру Лагерман, секретарь.

Фагерберг никого не называл по именам, что заставило Бритт-Мари сделать вывод о том, что «ты-реформа» прошла мимо него незамеченной.

Фру Лагерман на вид тоже можно было дать около пятидесяти. На ней были поло и жёлтое платье без рукавов с широким поясом. На волосах начёс, и уложены они старомодно, как носили во времена молодости Элси, о чём Бритт-Мари тут же подумала. На кончике носа фру Лагерман балансировали массивные очки с коричневыми пластиковыми дужками.

Дальше по коридору располагались ещё три кабинета. Однако следователей (во всех трех случаях – мужчин) на местах не оказалось.

Наконец Фагерберг привёл новичков в кабинет, где стояли два одинаковых письменных стола. Вдоль одной из стен расположился массивный металлический картотечный шкаф, крашенный в серый цвет. Из окна открывался вид на центральную площадь Эстертуны, где зелёным неоновым светом горели вывески на кинотеатре и универмаге «Темпос».

– Кабинет, – коротко пояснил Фагерберг. Инспектор Удин может расположиться за столом слева.

Фагерберг указал на один из столов. Помимо электрической печатной машинки и телефона на столе лежала толстая папка с бумагами.

Бритт-Мари кивнула и направилась к предназначенному ей конторскому креслу, спинка и сиденье которого были обтянуты вельветом.

– Инспектор Удин, для начала я предлагаю вам ознакомиться с документами на вашем столе, – продолжал Фагерберг. – Их необходимо разложить по соответствующим папкам в сейфе. Если возникнут сложности, обращайтесь к фру Лагерман. Инспектора Рюбэка попрошу следовать за мной.

Рюбэк бросил взгляд в сторону Бритт-Мари, виновато улыбнулся и слегка пожал плечами, а потом, ступая по ковролину, последовал за Фагербергом.

Бритт-Мари занялась оставленной для неё папкой. Занятие было не из самых сложных и интересных, но монотонная работа, по меньшей мере, помогала убить время. Пухлая папка худела, и после перерыва на ланч Бритт-Мари обнаружила, что остаток её не толще утренней газеты.

Где-то внутри у неё поселилось гложущее ощущение дискомфорта. Даже если Бритт-Мари не хотела признаваться в этом самой себе, она, тем не менее, почувствовала себя неже-

ланной гостьей здесь, на третьем этаже полицейского участка. Но едва эта мысль всплывала в её сознании на поверхность, Бритт-Мари беспощадно её топила. Смахивала прочь, словно катышки с одежды. Пыталась убедить себя, что ей повезло: не нужно ходить в пеший патруль в этой нелепой юбке-брюках со специальным карманом для дубинки, не нужно ловить пьяниц в парке, а потом, пытаясь запихнуть их в полицейскую машину, подвергаться домогательствам с их стороны. Бритт-Мари напоминала себе, какая на её долю выпала удача – оказаться среди первого в истории поколения женщин, которым дозволено служить в полиции, несмотря даже на наличие семьи, – роскошь, которая для Элси была недоступна. Бритт-Мари вспоминала, что точно так же чувствовала себя не в своей тарелке в первые дни на службе, пока до неё наконец не дошло, что мужчины в полицейской форме ничем не отличаются от мужчин в обычной одежде, помимо того, что носят форму.

Обо всём этом Бритт-Мари успела передумать, пока стрелка часов медленно ползла к двенадцати.

В конце концов Бритт-Мари решительно встала, потянулась, и отправилась в буфет, чтобы сварить себе кофе и съесть принесённую в контейнере еду: жареную колбасу, картофель и тушёный горошек с хреном. Когда она подошла к кабинету секретаря, доносившийся оттуда стук клавиш пишущей машинки стал громче. Фру Лагерман помахала ей через окошко в стене, и Бритт-Мари с улыбкой махнула в ответ.

Проходя мимо кабинета комиссара, Бритт-Мари на мгновение притаилась. Заглянув в окошко, в сигаретном дыму она различила, что Фагерберг сидел напротив инспекторов Кроока и Рюбэка. На первый взгляд, они были полностью поглощены предметом своей беседы. На столе перед ними были разложены документы, а пустые чашки из-под кофе пирамидой громоздились друг на друге возле большого катушечного магнитофона. Пепельница до краёв была полна окурков. Кроок закатал рукава сорочки и живо жестикулировал, держа зажжённую сигарету между указательным и средним пальцами правой руки. Рюбэк расстегнул ворот рубашки и ослабил узел широкого полосатого галстука. Теперь галстук висел на его шее, словно мёртвый зверь – охотничий трофей, добытый на третьем этаже полицейского участка Эстертуны.

В комнате раздался раскатистый хохот. Бритт-Мари покосилась на маленькие лампочки на стене возле двери. Красная – «занято», жёлтая – «ожидайте», зелёная – «входите».

Горела красная.

В следующее мгновение её заметил Фагерберг. Его каменное лицо абсолютно ничего не выражало, когда глядя на Бритт-Мари он поднялся со своего места и подошёл к окошку. Потом он поднял руку, и Бритт-Мари отчего-то решила, что он сейчас тоже ей помашет, как фру Лагерман. Она уже подняла руку, чтобы поприветствовать его в ответ, но в тот же миг прямо у неё перед носом на окно опустилась шторка.

Едва только пробило полшестого, как Бритт-Мари уже собрала вещи. Она не видела причин задерживаться, несмотря на то, что Рюбэк всё ещё пропадал в прокуренном кабинете комиссара в обществе инспектора Кроока, занятый обсуждением чего-то настолько важного, что нельзя даже упоминать в её присутствии.

Она не стала ни с кем прощаться.

Когда Бритт-Мари уже распахнула дверь на лестницу, кто-то внезапно взял её за плечо. Это оказалась фру Лагерман.

– Не переживай из-за мальчишек, – сказала она, понимая улыбаясь и поправляя на носу массивные очки. – Они просто хотят узнать друг друга получше. У них ведь такая тяжёлая работа, подумай, сколько им приходится видеть зла.

Фру Лагерман ненадолго прервалась, а потом снова заговорила:

– Фагерберг совсем не так безнадёжен, как может показаться. А Кроок – тот вообще душка, когда в настроении.

Бритт-Мари сделала попытку улыбнуться, но во рту у неё пересохло и в груди было тесно, словно ей только что пришлось съесть все те документы из папки, вместо того, чтобы их сортировать.

– Кстати, – не унималась фру Лагерман, легонько сжав её предплечье. – Меня зовут Алиса, милочка. Зови меня Алисой.

Когда тем вечером Бритт-Мари пришла домой, она впервые задумалась о том, что, возможно, допустила ошибку при выборе профессии. Возможно, лучше было стать учительницей, как Гуннель. Потом Бритт-Мари подумала об Аните, своей подруге, которая недавно получила премию «Фемина» за свой рассказ. Может быть, она даже станет настоящей писательницей.⁹

Бритт-Мари с удвоенной силой ощутила приступ тошноты.

Нет, она не завидовала Аните, совсем нет. Анита всегда мечтала писать книги, и Бритт-Мари искренне желала ей успеха.

Просто её собственная новая работа оказалась донельзя скучной и монотонной.

«Может, и я когда-нибудь решу что-то написать», – подумала Бритт-Мари, однако быстро отогнала эту мысль. О чём ей писать?

Что из её опыта и переживаний может быть кому-то интересно?

⁹ Премия «Фемина» – французская литературная премия, учрежденная в 1904 году по инициативе сотрудниц женского журнала «Счастливая жизнь». По замыслу основательниц, премия должна была составить альтернативу исключительно мужской Гонкуровской премии.

4

– Как всё прошло?

В голосе Бьёрна звучали искреннее тепло и заинтересованность.

Бритт-Мари сбросила туфли, повесила пиджак на вешалку и прошла в маленькую гостиную.

Бьёрн сидел на диване и улыбался. Три скомканных жестяных банки из-под пива валялись подле него на журнальном столике, но у Бритт-Мари не нашлось сил это комментировать.

– А где Эрик? – спросила она вместо этого.

Бьёрн взял с пола непечатую банку пива. Ловким привычным движением он выдернул жестяной язычок, и банка послушно звякнула и зашипела.

– Мама ещё не привела его обратно. Они явно решили пойти через парк.

Бритт-Мари кивнула.

Тепла и нежности в матери Бьёрна было столько же, сколько, скажем, в рептилии, однако поддерживать порядок в доме и присматривать за ребенком она была вполне способна. Прежде чем она вышла замуж и родила Бьёрна, Май успела поработать медсестрой. Когда Бритт-Мари с ней только познакомилась, у неё сложилось впечатление, что свекровь поймёт желание невестки продолжать работать и после рождения Эрика, однако это впечатление оказалось ошибочным. Май относилась к той категории людей, которые твёрдо убеждены, что замужним женщинам работать не пристало.

И уж точно нечего делать на работе замужним женщинам с маленькими детьми.

Бритт-Мари считала Май человеком сложным для общения, но иногда они всё же разговаривали об Элиси. Май была крайне заинтригована историей полицейской сестры, вынужденной отдать собственного ребёнка на воспитание. Может быть, эта история произвела на неё такое сильное впечатление, потому что события происходили во времена юности самой Май.

Бритт-Мари присела на диван рядом с Бьёрном. Он погладил жену по спине своим особым способом, как делал только он; осторожно и немного рассеянно.

Бьёрн походил на хиппи – его русые волосы были такой длины, что можно было носить их убранными в конский хвост, а джинсы-клёш сползли с талии вниз. Бритт-Мари нравилось, как он выглядит. На самом деле, она тоже с удовольствием влезла бы в подобные джинсы, но ходить на работу в таком виде ей было нельзя. К тому же, она пребывала не в той физической форме. Чтобы носить такие джинсы, нужно быть тощей, как Твигги, а Бритт-Мари была... Да, какой? Её фигура больше напоминала катушку. Мягкий живот, чересчур широкая задница, да ещё и под первым подбородком притаился второй, эдакий младший братец, колыхавшийся в такт старшему.

Нет, никогда ей не стать Твигги.

Но Бритт-Мари знала – Бьёрн всё равно её любит, и счастлива была иметь всё, чем жизнь её наделила – во всех отношениях замечательным ребёнком, современным жильём, работой, которую Бритт-Мари всё-таки любила, и привлекательным мужчиной, с которым, к тому же, было весело. Какое всё-таки чудо, что они встретились и у них появился Эрик. Родив Эрика в свой тридцать один год, Бритт-Мари уже не считалась молодой мамочкой.

Бритт-Мари провела рукой по лицу мужа, отодвигая со лба прядь длинных пшеничных волос, чтобы ещё раз внимательно осмотреть красное пятнышко, которое появилось там некоторое время назад. Оно было шершавым на ощупь и немного шелушилось.

– Наверное, лучше тебе показаться доктору, – сказала она. – Вдруг это что-то серьёзное? Он развеселился.

– Ты шутишь? Я должен пойти к доктору и пожаловаться на комариный укус?

– Это совсем не похоже на комариный укус.

– Ой, отстань, – отмахнулся Бьёрн, закрывая жене рот поцелуем. Поцелуй вышел со вкусом пива.

Она взглянула на пустые банки.

Одно время Бритт-Мари бранила мужа всякий раз, находя пиво в холодильнике. Но это привело лишь к тому, что банки исчезали из холодильника, а потом обнаруживались пустыми в самых неожиданных местах – под кроватью, или в бельевой корзине, или вообще на крыше буфета.

Бьёрн не был алкоголиком.

Однако он много пил, и это стало беспокоить Бритт-Мари.

Но не станешь ведь вечно спорить обо всём! К тому же, его положительные стороны более чем полностью компенсировали употребление пива, что само по себе было занятием вполне безобидным.

– Расскажи про работу! – воскликнул он.

И Бритт-Мари рассказала Бьёрну о документах, которые ей целый день пришлось раскладывать по папкам, в то время как у остальных было важное совещание. О Фагерберге, человеке с каменным лицом, и о веснушчатом даларнце, который вроде бы должен работать в одном кабинете с Бритт-Мари, однако за весь день и носа туда не сунул. И ещё про зови-меня-Алисой, единственную из новых коллег, продемонстрировавшую человеческие качества.

– Всё это глупо, – подытожила Бритт-Мари дрожащим от гнева голосом. – Я, может быть, лучший стрелок лена, я быстро всё схватываю, и уж точно ничего не боюсь. Я могла бы приносить пользу на своём месте, а вместо этого меня заставляют целый день перекладывать бумажки.

– Не переживай, завтра всё наладится, вот увидишь, – отозвался Бьёрн, зажигая сигарету. Он взглянул в окно – августовское небо было ярко-голубым. Бьёрн медленно выпустил дым, серые завихрения которого потянулись к потолку. Из открытой балконной двери тянуло тёплым воздухом, но кожа Бритт-Мари покрылась пупырышками, хоть ей и не было холодно.

– А у нас с сегодняшнего дня новый начальник, – сообщил Бьёрн и, прищурившись, взглянул на Бритт-Мари.

– Правда?

– Это тёлка.

Бьёрн закатил глаза и фыркнул.

– Ясно.

– Я хочу сказать, каким, чёрт подери, образом она собирается разобраться в том, для чего нужны все эти запчасти? И как она будет общаться с клиентами? Не говоря уж о ребятах на предприятии.

Бьёрн вот уже год как работал продавцом в компании, которая занималась торговлей автозапчастями. Клиентами у них в основном были автомастерские. Насколько было известно Бритт-Мари, женщин на рабочем месте Бьёрна не было, по крайней мере, до настоящего времени, пока не появилась эта новая начальница.

Бритт-Мари знала, что Бьёрн хорош в своём деле, она много раз слышала об этом от его коллег, и никак не могла перестать гордиться мужем.

Бьёрн допил пиво и одним движением смял очередную жестянку.

Бритт-Мари оказалась в замешательстве. С одной стороны, она сочувствовала мужу. Она знала, как Бьёрн стремился попасть на эту должность. Не просто стремился, он фактически уже ждал, когда его переведут. Ему пообещали. С другой стороны, Бритт-Мари невольно симпатизировала несчастной женщине, которой придётся взять на себя руководство Бьёрном и его коллегами. Бритт-Мари сама бывала у мужа на работе и общалась там с ребятами, и сво-

ими глазами видела загаженные туалеты, и горы окурков, и сваленные в кучу номера мужской газеты «Люди в картинках».¹⁰

Нет, новой начальнице Бьёрна точно не позавидуешь.

Открылась входная дверь, и в прихожую вошла Май, ведя за ручку Эрика.

Бритт-Мари приветственно помахала Май рукой, поспешила к ним и присела на корточки перед Эриком.

– Здравствуй, мой хороший! Поцелуешь мамочку?

Эрик потянулся вперед и запечатлел мокрый чмок прямо на её губах.

– Пойдем гулять в пайк! – проговорил он, указывая пальчиком на дверь.

– Нет, сейчас мы будем готовить ужин, – сказала Бритт-Мари, и потрепала сына по голове.

– Неееет!

Личико Эрика сморщилось, как изюмина, и он пронзительно закричал. Май взяла его за плечи и встряхнула.

– А ну, живо снимай обувь!

На Май было плотное голубое платье-рубашка из хлопка. Короткие седые волосы уложены в идеальные завитки по моде пятидесятых, тело благоухало мылом и фиалками.

– Поцелуй мамочку ещё разок! – воскликнула Бритт-Мари, протягивая к сыну руки.

– О боже мой, – закатила глаза Май. – Ты слишком над ним кудахчешь.

– С утра у него был жар, – отозвалась Бритт-Мари, пропустив мимо ушей комментарий свекрови. – Как у вас прошёл день?

– Жар?

Май удивлённо наморщила лоб.

– Более здорового мальчика ещё нужно поискать.

Затем взгляд Май упал на Бьёрна, лежавшего на диване.

– Вставай сейчас же, лентяй, – проворчала Май. – Что за мода валяться на диване и глушить пиво в будний день?

– Да, мама, – вскакивая на ноги, согласился Бьёрн, потому что уважал свою мать. Бритт-Мари подозревала, что на самом деле Бьёрн её просто побаивался. Обычно он принимал все возможные меры, чтобы мать даже не заподозрила, что он пил пиво.

Бьёрн сноровисто сгрёб пустые банки в охапку и засунул под стол. Затем поспешил в ванную. Бритт-Мари услышала звук льющейся воды и поняла, что Бьёрн чистит зубы.

Отношения Бьёрна с Май можно было назвать сложными, это Бритт-Мари поняла достаточно скоро. И всему виной было то «ужасное лето», как называл его Бьёрн. Когда ему было пять лет, его отец заболел, и Май пришлось найти вторую работу, чтобы обеспечивать семью. На лето она отослала Бьёрна к тётушке и её мужу в Ничёпинг. Очевидно, она ничего не знала о том, что тётушка изрядно закладывала за воротник, а её муж был обыкновенным садистом, который каждый день избивал маленького Бьёрна.

В итоге, когда папа Бьёрна скончался, она забрала мальчика домой. Две недели он не мог выдать себя и слова, зато потом никак не мог остановиться, рассказывая матери подробности многонедельных издевательств, которые претерпел в тётушкином доме. И Май пришлось справляться с последствиями. Она оставила работу, и всё свое время посвятила Бьёрну, выживая на мизерную вдовью пенсию.

Однако вред уже был нанесен. «Ужасного лета» уже ничем было не исправить и не загладить.

Бьёрн вернулся из ванной.

¹⁰ FIV aktuell – шведская газета, изначально новостное издание, затем трансформировавшаяся в газету порнографического содержания для мужчин.

– Мне нужна помощь, Бьёрн, – сказала Май. – Нужно распилить сосну, которая упала весной.

– Без проблем, – отозвался Бьёрн.

– И нарубить дров.

– Как скажешь.

Бьёрн был силен и умел делать почти всё, так что часто брал на себя тяжёлую работу в доме матери.

– И не забудь постричься, – продолжала Май. – А то ты уже выглядишь, как один из тех коммунистов, которые протестуют против Вьетнама.

– Они протестуют не против Вьетнама, мам. Они выступают против войны во Вьетнаме.

– Не придирайся к словам! – отрезала Май.

– Май, спасибо огромное за помощь, – вмешалась Бритт-Мари, которая уже поняла, какой оборот принимает беседа. – Увидимся завтра.

5

Позже, когда сумерки сменились бархатной чернотой ночи, а Эрик крепко спал, они любили друг друга. Вернее сказать, они предприняли попытку, но мысли Бьёрна были где-то далеко. Отстранившись от неё и перевернувшись на спину, он издал тяжкий вздох.

– Прости, – шепнул Бьёрн. – Прости меня.

– Ничего, – заверила его Бритт-Мари, и погладила по щеке.

– Это всё... Работа, понимаешь. Она заставляет меня нервничать. Она заставляет.

– Кто? – шёпотом спросила Бритт-Мари, глядя как Бьёрн прикуривает сигарету.

Бьёрн глубоко затянулся, и темноту озарил оранжевый огонек. Сигарета еле слышно шипела, когда огонь пожирал её табачное нутро. Эрик, спавший в своей кровати у двери, захныкал во сне.

– Биргитта. Та тёлка. Она решила, что ей там всё теперь принадлежит.

Бритт-Мари вместо ответа чмокнула его в щеку и тоже разок затянулась.

Когда сигарета погасла, они уже лежали молча. Через какое-то время дыхание Бьёрна стало ровнее. Бритт-Мари прикрыла глаза, прислушиваясь к звукам, которые издавала её маленькая семья: тоненькому сопению Эрика и тяжким, нерегулярным вздохам Бьёрна.

Всё, чего она когда-либо желала, было здесь, в темноте. Всё, что нужно было Бритт-Мари на этом свете.

Она снова подумала о родителях.

Они тоже когда-то были её семьёй, да и сейчас были ею – она и мама. Несмотря на то, что всё было построено на лжи. Бритт-Мари не стала их меньше любить, только вот все её воспоминания обесценились. Это словно подняться ввысь над дивным садом и увидеть, что он разбит посреди помойки.

Бритт-Мари вспомнился выпускной – в тот день директор вручал ей диплом за победу в школьных соревнованиях по лёгкой атлетике. Неужели это было весной 1955 года? Мамины заплаканные глаза на счастливом лице, папина сухая рука, неловко гладившая Бритт-Мари по щеке.

– Это моя девочка! Моя!

Тётушка Агнес – мамина сестра – тоже пришла на выпускной. Она кивала и махала им руками со своего места – в актовом зале она сидела на скамье чуть поодаль.

Потом директор подошёл прямо к ним и лично поприветствовал маму с папой рукопожатием.

– Поздравляю!

Он широко улыбнулся маме, подмигнул Бритт-Мари и продолжил:

– Сегодня Бритт-Мари так похожа на свою мать!

Мама заулыбалась, папа тоже. А тётушка Агнес задумчиво кивнула.

– Конечно, – сказал папа, обнимая Бритт-Мари за плечи. – И это большая удача – было бы печально, будь она похожа на меня.

Так очевидно.

Они все знали. Ну, кроме директора, разумеется. Но вот мама, папа и тетя Агнес...

И всё равно притворялись, что в жилах Бритт-Мари на самом деле течёт их кровь.

Прошёл час, а Бритт-Мари всё еще не могла уснуть. Тогда она тихонько встала и на цыпочках вышла из спальни. Она устроилась в кухне, и достала блокнот из тайника, которым служила жестяная банка из-под печенья. Бритт-Мари открыла первую страницу и прочла заглавие, которое позавчера сама же записала.

ЭЛСИ. Стокгольм, февраль 1944

Бритт-Мари взглянула на фото Элси цвета сепии – единственное, что осталось от её матери – и задумалась, а потом поднесла ручку к бумаге.

Слово за слово складывался рассказ об Элси, о матери, с которой ей не довелось встретиться. И мама, и папа пересказывали эту историю Бритт-Мари так часто, что она знала её наизусть. А ещё Бритт-Мари специально ходила в библиотеку – искала старые газетные статьи о Болотном Убийце.

Тем не менее, Бритт-Мари пришлось кое-что сочинить. Как на самом деле выглядел тот дом на Норра Смедьегатан? И как звали констеблей, сопровождавших Элси в тот вечер?

Бритт-Мари продолжала писать, пока в глазах не защипало, а руку не свело судорогой. Тогда она отложила блокнот и оставила его на столе. Тихонько прокралась обратно в спальню и скользнула в постель, под тёплый бок мужа.

«Я это сделала», – подумала она, засыпая.

«Я начала писать!»

«Я не собираюсь участвовать ни в каких писательских конкурсах, но может быть, кто-нибудь когда-нибудь прочтёт историю Элси. Кто-то, кому это действительно будет интересно. Может быть, это будет Эрик. И к тому моменту всё уже будет записано».

Когда следующим утром проснулась Бритт-Мари, Бьёрн был уже на ногах. Он что-то насвистывал, и до Бритт-Мари доносилось радостное лопотание Эрика. Но тут она услышала ещё один голос. Тягучий хриплый голос, который был ей слишком хорошо знаком.

Бритт-Мари накинула халат, тщательно затянув пояс, и направилась в кухню.

– Здравствуй, красавица моя, – поприветствовал её Бьёрн, когда Бритт-Мари показалась на пороге кухни.

– Привет, – бросила она не глядя. Её внимание было обращено к крупному мужчине, который, развалившись, сидел на стуле напротив Бьёрна, держа в руке бутерброд с ливерной колбасой.

Судден запихал остатки бутерброда в рот и отбросил со лба жидкие светлые волосы. Потом он указал пальцем на блокнот, который в раскрытом виде валялся на столе.

– Никак писать решила? – пророкотал он.

Бритт-Мари подошла к столу и решительно схватила блокнот.

– Нет.

– Довольно жуткая историйка, – не унимался Судден. Подавив отрыжку, он начал медленно подниматься.

Бритт-Мари молчала.

– Что ж, пора, наверное, мне уже домой, – заявил гость.

Он кивнул Бритт-Мари и медленно пошёл в сторону прихожей.

Бритт-Мари скрестила руки на груди и метнула в Бьёрна злобный взгляд. Тот лишь пожал плечами. Едва услышав звук захлопнувшейся двери, Бритт-Мари зашипела:

– Что, чёрт возьми, он здесь делал?

– Просто проходил мимо.

– В семь часов утра?

Бьёрн развёл руками.

– Он шёл домой.

– В такое время? Где он шлялся всю ночь?

– Почём я знаю? Я же ему не мать.

Судден – один из приятелей Бьёрна, которого Бритт-Мари на дух не выносила. Помимо того, что он был странным, если не сказать маргинальным, Судден к тому же нигде не работал, и насколько понимала Бритт-Мари, в жизни его главенствовали два интереса – глушить пиво в старом дачном домике своей матери да ещё играть на скачках.

– Сматывайте! – воскликнул Эрик, держа в руках столовый нож.

На кончике ножа был наколот кусочек сыра.

– Ой, какой же ты у нас умница, – промурлыкала Бритт-Мари, направляясь к кофеварке, чтобы сделать себе чашечку кофе.

– Не могли бы мы договориться не принимать гостей до девяти утра? – так спокойно, как только могла, произнесла Бритт-Мари.

– Так ведь его никто и не приглашал.

Бритт-Мари долгим взглядом поглядела на мужа и поставила чашку на столешницу. Затем достала из холодильника яйца и ветчину.

– Надеюсь, сегодня на службе тебе выпадет работёнка повеселее переключивания бумажек, – сказал Бьёрн, надкусывая бутерброд с сыром.

– Вне всяких сомнений, – пробормотала Бритт-Мари.

Однако, придя на службу, она обнаружила у себя на столе новую стопку документов. Эта новая стопка, как минимум, была такой же величины, как вчерашняя. Бритт-Мари опустилась на стул, ощущая, как внутри неё вновь поднимается раздражение.

В кабинет вошёл Рогер Рюбэк. Сегодня он оделся чуть свободнее, сменив пиджак на кожаную куртку длиной до талии.

Этот даларнец уже чувствовал себя здесь, на третьем этаже полицейского участка Эстертуны, как дома. «Он точно знает, что принадлежит этому месту. Ему никогда не придётся прожить целыми днями над горами бумаг».

– Здорово! – произнес Рюбэк, оглаживая рукой свои беличьи хвосты. – Как жизнь?

– Спасибо, всё в полном порядке, – за неимением альтернативы отозвалась Бритт-Мари.

Не могла же она сказать ему, как на самом деле себя чувствует. Как гнев скребётся и царапается у неё под ребрами, словно запертый в клетке зверь; словно на завтрак она наелась битого стекла, а не яичной болтушки с ветчиной.

Рюбэк стащил свою кожанку, уселся на стул и снова заговорил:

– Я не имею понятия, почему он так поступает.

– Я тоже.

– Это довольно странно. Учитывая нехватку кадров в полиции. Такую работу вполне можно было поручить этой фру Лагерман.

– Угу, – невнятно отозвалась Бритт-Мари, старательно отводя взгляд от кучи бумаг. Она отвернулась к окну, обшаривая улицу взглядом, лишь бы не глядеть ни на что в этом кабинете, лишь бы оказаться подальше от этого унижения – быть незваной и нежеланной. Под конец взгляд её, словно заблудившаяся пичужка, задержался на здании кинотеатра прямо напротив участка.

– Не хочешь выпить кофе?

Бритт-Мари выпрямилась и заставила себя перевести взгляд с кинотеатра на дружелюбную физиономию даларнца. Рюбэк улыбнулся, кожа на его щеках пошла морщинками, и веснушки собрались в кучу, словно стая рыб, попавшая в сеть.

– Да, спасибо. С удовольствием.

Когда Рюбэк скрылся в коридоре, Бритт-Мари наскоро поправила чёлку и нанесла немного крема «Нивеа» на губы. Уже завинчивая крышку плоской баночки, она внезапно осознала, как глупо себя ведёт. Она ли это? Сидит и прихорашивается ради сослуживца только потому, что он продемонстрировал порядочность, и не повёл себя, как скотина? Она, взрослая женщина, к тому же замужем за привлекательным мужчиной, с которым ещё и весело?

Бритт-Мари от души поблагодарила Рюбэка, когда тот вернулся с двумя чашками кофе, сел за свой стол и зажёл сигарету. Слегка покачиваясь из стороны в сторону в кресле, Рюбэк принялся разглядывать напарницу. Потом легонько постучал кончиком сигареты по краю блюда с оттиском «Чинзано», стряхивая пепел.

– Сдаётся мне, в Эстертуне житьё спокойное. Фагерберг называет её компактным РЖЦ-городком. Что это значит?¹¹

– Работа, жильё и центр. Всё в одном месте.

– А я подумал, «ж» – значит жулик, – пошутил Рюбэк, гася окурок.

Бритт-Мари засмеялась.

– Ну уж нет, – возразила она. – Здесь, в Эстертуне, преступность практически отсутствует.

Бритт-Мари взглянула в окно. Высокое чистое голубое небо сияло над городом.

Рюбэк поднялся и взял со стола кипу бумаг.

– Мне нужно к Фагербергу, – пояснил он.

– Я пойду с тобой.

Рюбэк скептически взглянул на Бритт-Мари, но так ничего и не сказал, пока они шли по длинному коридору.

Фагерберг и Кроок уже сидели в кабинете и курили, когда туда вошли Бритт-Мари с Рюбэком. Солнечный луч проник в окно, и Бритт-Мари обратила внимание, как в узкой полосе света медленно поднимается к потолку табачный дым.

– Доброе утро, – сказала Бритт-Мари, занимая один из свободных стульев.

Фагерберг ничего не ответил.

– Я сказала «доброе утро», – повторила она, выдавив из себя улыбку.

Фагерберг не спеша положил сигарету на блюдце, откинулся на спинку кресла и сложил руки на коленях. В кресле что-то хрустнуло, когда он, слегка оттолкнувшись, отъехал немного назад.

– Инспектору недостаточно работы с документами?

– Я могу принести больше пользы здесь.

В полной тишине комиссар несколько мгновений пристально изучал Бритт-Мари, облизывая тонкие губы кончиком языка.

– Я определяю, где инспектор может принести больше пользы.

– Но...

Бледное лицо Фагерберга залилось краской, а зрачки сузились. Он вскочил так внезапно, что ударился о край стола, и задел блюдце, уронив его на пол. Окурки разлетелись по ковровину, оставляя за собой уродливые дорожки пепла.

– Вон! – проревел комиссар, указывая одной рукой на дверь. – Если инспектор Удин желает продолжить работу в моём отделе, ей следует научиться исполнять приказы.

¹¹ ABC stad – историческая градостроительная концепция в Швеции, благодаря которой снизилась загрузка метрополитена. В пригородах, построенных в соответствии с данной концепцией, рабочие места находились в непосредственной близости от жилых кварталов.

6

Через неделю гнев Бритт-Мари утих. Но не потому, что она наконец получила какое-то иное задание, нет, просто она была по горло сыта этим чувством. Точно так же, как любой человек не способен каждый день есть одинаковую пищу, и у Бритт-Мари уже не хватало сил возмущаться. Место гнева в её душе заняло какое-то подобие смирения, жуткая пустота, которую сама она едва ли могла осознать. Возможно, эта пустота образовалась от утраты всех надежд, которые Бритт-Мари связывала с выходом на работу в то время, когда ещё сидела дома с Эриком. Разбитые мечты о наполненной смыслом, содержательной жизни на другом берегу декретного отпуска. Или же она попросту свыклась с мыслью о том, что её место действительно в этом кабинете с двумя письменными столами, из которых один вечно пустует – ведь инспектор Рюбэк обычно занят совещаниями или другими служебными делами.

Три следователя, с которыми ей не удалось познакомиться в первый день на службе – Олссон, Свенссон и Петерссон, – все оказались мужчинами средних лет и, насколько могла видеть Бритт-Мари, все они были настроены дружески по отношению к ней. Только Фагерберг, своей железной рукой заправлявший всем в отделе, поручил им другие расследования, и Бритт-Мари редко с ними пересекалась.

Комиссар Фагерберг больше не демонстрировал открытой неприязни, лишь сдержанную незаинтересованность. Практически всё время, что Фагерберг проводил в своём кабинете, на стене перед ним горела красная лампочка «занято».

Но у него, вне всяких сомнений, было много дел. Несмотря на то, что Эстертуна со стороны выглядела идилически, в этом тихом омуте происходили ужасные вещи – пьяные драки, домашнее насилие, самоубийства. А всего несколько дней назад практически в центре города торговец из автолавки был ограблен человеком в маске и лишился всей своей дневной выручки.

Зови-меня-Алисой изо всех сил старалась сделать пребывание Бритт-Мари в отделе более комфортным. Да и Рюбэк был почти что чересчур любезен, словно стараясь компенсировать скотство старших коллег.

Однажды, когда Рюбэк явился в кабинет с кофе и булочками с корицей, Бритт-Мари вспомнила, что забыла дома контейнер с едой. Это, конечно, не трагедия – вокруг центральной площади полно лавок и ресторанчиков, но у Бритт-Мари, как обычно, было туго с деньгами. К тому же, её раздражал тот факт, что контейнер с жареной икрой трески и картофелем так и простоит без всякой пользы в холодильнике.

– Большое спасибо, – сказала она, видя, что Рюбэк ставит чашку кофе и кладет для неё булочку рядом с пищащей машинкой. – Только с перекусом придётся подождать. Мне нужно забежать домой и забрать свой обед.

– Я могу пригласить тебя на ланч, – ответил Рюбэк, и взгляд его игриво заблестел. Бритт-Мари словно пригелась под этим взглядом, как будто свет из его глаз нашёл каким-то образом дорогу к её сердцу, и растопил в нём лёд ненужности.

– Я живу всего в пяти минутах ходьбы, – пробормотала она, вскочила, схватила сумочку и поспешила прочь.

До дома и вправду было недалеко.

Миновав винный магазин «Сюстембулагет», она свернула на Бергсгатан, откуда направилась напрямик в парк Берлинпаркен, который на самом деле не имел никакого отношения к городу Берлину. Парк называли в честь скульптора, который создал бронзовую статую кормящей матери. Она стояла возле больших качелей. Парк был окружён трёхэтажными домами с плоскими крышами и маленькими балкончиками, откуда открывался прекрасный вид на его зеленые насаждения.

В любом другом случае Бритт-Мари сократила бы путь через парк, но сейчас в задней его части зияла огромная рана – на месте большого котлована скоро должны были построить многоуровневый гараж.

Быстрым шагом, переходящим в бег, Бритт-Мари миновала огороженную стройплощадку, прикрывая рукой ухо в надежде хоть немного приглушить шум отбойных молотков. Потом она вышла на Сигтунагатан, откуда до покрытого жёлтой штукатуркой дома оставалось уже совсем немного. Бритт-Мари скользнула во входную дверь и взбежала вверх по лестницам.

Едва распахнув дверь, она сразу поняла – что-то не так. Монотонный голос доносился из глубины квартиры, а в воздухе тяжёлой пеленой висел табачный дым.

Но дома должно было быть тихо и пусто. Бьёрн на работе, а Эрик – как обычно, у Май.

Бритт-Мари скинула сандалии, поставила сумочку на стул у двери и прошла в гостиную.

На диване навзничь лежал Бьёрн, и из его открытого рта раздавался храп. Тонкая нить слюны свисала с подбородка. На журнальном столике в ряд выстроились пустые банки из-под пива, пепельница переполнена. Один окурок вывалился из неё на столешницу старого тикового стола, который достался им от Хильмы, и прожёт в ней уродливую дыру. Старое транзисторное радио было включено, и серьёзный голос вещал о том, что Джеральд Форд должен сменить Ричарда Никсона на посту президента, а ещё о том, что Пиночет ввёл ещё более суровые законы против инакомыслящих граждан.

Бритт-Мари вспомнила, что прошлый вечер Бьёрн провёл в компании Суддена. Он был, очевидно, пьян в стельку, но обычно это не мешало ему на следующее утро пойти на работу. К тому же, когда она утром уходила, Бьёрн был на ногах, успел позавтракать и принять душ. Но что же произошло потом? Он что, продолжил пить, вместо того, чтобы пойти на работу?

Как алкоголик.

Или он побывал на работе, а потом вернулся? Может быть, повздорил со своей новой начальницей, которую настойчиво продолжал называть тёлкой?

Бритт-Мари выключила радио и приблизилась к Бьёрну. Некоторое время она стояла молча, ощущая, как гнев пульсирует в её сжатых кулаках, а проклятия готовы сорваться с кончика языка. Злоба, происхождение которой Бритт-Мари было непонятно, затопила её существо. Не то чтобы у неё не было причины злиться, просто обычно она пребывала в каком-то странном... спокойствии.

Да, обычно Бритт-Мари реагировала на всё спокойно.

Но теперь спокойствию пришёл конец. Очевидно, все произошедшие с ней за последнее время несправедливости подточили запас её терпения, как голодные крысы. И теперь на месте терпения зияла пустота, а единственное, что Бритт-Мари хотелось сейчас сделать, так это врезать своему привлекательному супругу по роже. Но было и ещё кое-что. Молчаливая ярость от того, что он посмел рисковать единственным и самым важным, что у них было. Семьёй, которую они построили вместе; семьёй, которой, как думала Бритт-Мари, у неё никогда не будет.

Бритт-Мари больно ткнула мужа в бок.

– Чётакое? – пробормотал Бьёрн и облизал пересохшие губы.

– Почему ты дома? Ещё даже нет двенадцати.

Бьёрн мешкал с ответом.

– Тёлка отправила меня домой.

Бритт-Мари ощутила, как в груди разливается холод.

– Скажи всё как есть, Бьёрн. Она отправила тебя домой, потому что ты напился?

Бьёрн отвернулся от жены, накрыл голову вышитой диванной подушкой и пробормотал что-то нечленораздельное. Бритт-Мари наградила его ещё одним тычком, на этот раз в спину.

– Какого чёрта! Отвали! Или ты тоже начнёшь?

Бритт-Мари ничего больше не сказала. Вместо этого она метнулась в прихожую, схватила свои вещи и выскочила из квартиры. О контейнере с жареной икрой она и не вспомнила, но теперь это не имело никакого значения – аппетит у неё пропал.

Когда Бритт-Мари вернулась на работу, на часах было тринадцать минут первого. Она рухнула на своё место за столом в пустом кабинете. Гора бумаг перед ней существенно уменьшилась, однако работы было ещё на несколько часов.

В дверном проёме возникла жилистая фигура Фагерберга. В холодном свете люминесцентной лампы его кожа казалась сделанной из наждачной бумаги, а глубокие борозды, протянувшиеся от носа к кончикам губ, походили на лезвия топорща.

– Идём, – сказал он и исчез так же внезапно, как появился. Мгновение спустя Бритт-Мари услышала его окрик из глубины коридора:

– Сейчас, инспектор Удин!

Бритт-Мари ничего не оставалось, кроме как бросить своё занятие и последовать за Фагербергом.

Рюбэк, поджидавший их у наружной двери, неуверенно улыбался ей.

– Возможно, у нас изнасилование, – сообщил Фагерберг, распахивая дверь на лестничную клетку. – Женщина, до тридцати, обнаружена в собственной квартире на Лонггатан со следами побоев. Возможно, будет лучше, если с ней поговорите вы, инспектор Удин.

И Бритт-Мари стало всё ясно.

Она поняла, почему ей наконец дозволено высунуть нос из кабинета, в котором никогда не переставала расти гора документов: преступления в сфере половой неприкосновенности – это женская епархия. Во всяком случае, такая маленькая деталь, как опрос потерпевшей. Потому что кто же лучше сможет понять женщину, как не другая женщина? Кто поможет жертве отыскать в себе мужество и рассказать все самое страшное в подробностях? Кто возьмёт за руку и вытрет слёзы, не уронив при этом свой авторитет и достоинство?

– Да, – отозвалась Бритт-Мари. – Этим лучше заняться мне.

Когда они оказались на месте, возле многоквартирного дома по улице Лонггатан уже стояла карета скорой помощи. У ворот собралась толпа зевак. Они с жадным любопытством уставились на Бритт-Мари и её коллег.

– Полиция. С дороги, – бросил Фагерберг, и люди послушно расступились в стороны, словно кучка овец.

Прибывшие вошли в дом и поднялись по лестнице.

Возле распахнутой двери квартиры на третьем этаже стояла пожилая женщина, держа на руках маленького мальчика. Тот по виду был ровесником Эрика. Женщина, ростом примерно такая же, как в ширину, своим видом напомнила Бритт-Мари шкафа. Шкаф, одетый в фартук. С папильотками в волосах. Лицо мальчика покраснело от натуги, он истошно вопил, тыча пальчиком в открытую дверь. Маленькие ладошки были перепачканы чем-то красным и липким. Кровью?

– Маааааа!

Рядом, опершись о дверной косяк, стоял фельдшер из скорой. На лице его читалась смесь отчаяния с сумятицей, как будто он в данный момент пытался найти решение сложной математической задачи.

В паре метров от них у стены стоял полицейский в форме. В руках он держал голубую папку с бланками для рапортов и совершенно отрешённым взглядом глядел мимо пришедших.

Бритт-Мари узнала постового и поздоровалась, но тот не ответил. Фагерберг подошёл к нему и слегка потряс за плечи.

– Что здесь произошло?

Тот снова ничего не сказал.

– Ты что, язык проглотил, приятель?

Встряска Фагерберга заставила постового закачаться взад-вперед, так что белый каучуковый жезл застучал об стену.

Из глубины квартиры послышался сдавленный стон.

– Нам нужно везти её в больницу, но мы не можем, – попытался объяснить фельдшер.

– Не можете? – переспросил Фагерберг. – Что вы имеете в виду?

– Она...

Голос его сорвался, и фельдшер поскорее прикрыл рукой рот, словно ему внезапно сделалось дурно.

Фагерберг, изрядно уставший от излишне робких полицейских и медработников, издал глубокий вздох. Он натянул бахилы и скользнул в открытую дверь. Бритт-Мари с Рюэком проделали то же самое.

В тесной прихожей на крючке висело пончо и женская сумочка с бахромой. На полу стояли несколько пар поношенной детской обуви и пара красных сабо взрослого размера. На линолеуме повсюду были разбросаны игрушки: вошедшим пришлось переступить через детальки конструктора «Лего» и маленького тролля с ярко-рыжими волосами.

Они направились в гостиную. За их спинами кто-то захлопнул входную дверь, и беспрерывный детский крик сразу стал глуше.

На полу перед окровавленной женщиной на коленях сидел ещё один фельдшер. Она лежала навзничь, раскинув руки в стороны и, не считая сорочки, сбившейся на ней в бесформенный комок ткани, была обнажена. Солнечный свет, льющий в окно, заключил фельдшера и женщину в идеальный прямоугольник, словно титанический прожектор, освещающий театральную сцену. Бритт-Мари не могла избавиться от ощущения, что всё это выглядит срежиссированным – эдакий гротескный натюрморт из женской плоти и крови.

Фельдшер поднял взгляд. На его лице читалась искренняя беспомощность, и только сейчас Бритт-Мари обратила внимание на то, что слышит плач: распластанная на полу женщина тихонько скулила, словно раненый зверёк. В тот же миг Бритт-Мари вдруг ощутила запахи пота, крови и мочи, пропитавшие воздух в комнате.

– Как она? – спросил Фагерберг, в два широких шага преодолев расстояние от прихожей до лежавшей на полу женщины.

– Она жива, – невнятно произнес фельдшер. – Я только ума не приложу, что с ней делать. У нас нет инструментов.

– Инструментов? – выдохнул Фагерберг, в устах которого это простое короткое слово каким-то невероятным образом зазвучало оскорбительно.

Фельдшер указал на ладонь женщины, и Бритт-Мари наконец увидела.

«Это невозможно», – подумала она, и инстинктивно отшатнулась прочь.

Но затем заставила себя вновь обратить взгляд на женщину.

Маленькие серые металлические шляпки торчали, словно клыки, из обеих ладоней несчастной. Кто-то пригвоздил её к полу.

7

Зрелище распятой молодой женщины заставило ноги Бритт-Мари подкоситься. Жуткий способ, которым нападавший расправился со своей жертвой, был до боли ей знаком – но могли это на самом деле вновь оказаться Болотный Убийца?

Чтобы справиться с потоком мыслей, Бритт-Мари принялась за не терпящие отлагательства дела: накрыла женщину одеялом, чтобы она не лежала нагишом, и помогла Рюбэку установить ограждения, пока Фагерберг отлучился, чтобы позвонить криминалистам и пожарным. У тех уж точно должно было оказаться необходимое снаряжение, чтобы освободить несчастную и вынуть гвозди из её ладоней.

Когда Рюбэк вышел, чтобы опросить соседку, которая всё еще качала на руках плачущего ребёнка пострадавшей, Бритт-Мари решила попытаться поговорить с ней. Она присела на корточки подле дрожащей, истекающей кровью женщины, зафиксировав взгляд на участке линолеума в нескольких десятках сантиметров от разбитого лица пострадавшей.

– Можешь рассказать, что случилось? – спросила Бритт-Мари. У неё мелькнула мысль, что надо бы установить с пострадавшей физический контакт, чтобы придать ей сил. Но та была избита до синевы, и Бритт-Мари так и не осмелилась до неё дотронуться, опасаясь причинить ещё больший вред.

Вокруг прибитых к полу ладоней образовались лужицы крови. Женщина зашлась кашлем, и из её рта на грязно-серый пол полетели алые капельки.

– Ты его знаешь? – продолжала Бритт-Мари, внезапно испугавшись, что женщина умрёт до того, как она успеет задать все важные вопросы.

Женщина, преодолевая боль, покачала головой и встретилась взглядом с Бритт-Мари.

– Лицо, – прошептала она. – У него было что-то на...

– Он замаскировался? Был переодет?

Женщина вместо ответа кивнула, всем своим видом давая понять, что хочет сказать ещё кое-что. Растрескавшиеся губы беззвучно произнесли какое-то слово. Бритт-Мари пришлось наклониться к самому полу, чтобы расслышать. На своей щеке она ощутила влажное дыхание женщины.

– Даниэль, – выдохнула та.

– Его имя – Даниэль?

Женщина вновь покачала головой, и Бритт-Мари сообразила.

– Твой сын? С ним всё в порядке. Он здесь, за дверью.

– Видел. Всё.

Голос несчастной был еле слышен. Он вовсе затих, когда из прихожей донеслась уверенная речь Фагерберга. Тем не менее, Бритт-Мари смогла различить её слова. Пребывая в потрясении, она решила переспросить.

– Хочешь сказать, он видел, как тебя мучили? Как он...

Голос выдохнул:

– Всё.

В доме 23 на Лонггатан они провели почти два часа. Приехали пожарные и избавили Ивонн Биллинг – так звали пострадавшую женщину – от вбитых в ладони гвоздей, и карета скорой смогла наконец забрать её в больницу.

Рюбэк с Бритт-Мари опросили соседей и прохожих, но без особого успеха.

Никто, за исключением пары престарелых соседей Ивонн, проживающих на одном с ней этаже, ничего подозрительного не видел и не слышал. Они же показали, что «среди ночи» услышали шум, доносившийся из квартиры Ивонн. Когда сосед забарабанил в её дверь с тре-

бованием соблюдать тишину, шум прекратился. На вопрос о том, чем, на его взгляд, там могла заниматься Ивонн, он ответил, что не имеет ни малейшего понятия, только шум в квартире стоял «дьявольский».

Сосед вернулся к себе домой, так и не увидев подозреваемого. Супруга подтвердила его рассказ.

Бритт-Мари знала, что обязана доложить Фагербергу об известных ей событиях в Кларе, только никак не могла придумать, как описать шефу это необычайное совпадение, не вдаваясь в излишние подробности об истории своей семьи.

– Скоро я начну думать, что она сама прибила себя к полу, – сухо констатировал Фагерберг, когда, собравшись в крошечной кухне Ивонн, они закончили обмен информацией. – Неужели у людей совсем нет глаз?

Бритт-Мари тоже считала это странным. Даже та соседка, которая обнаружила Ивонн, не смогла добавить ничего ценного к имеющейся у них информации. Незадолго до обеда она услышала детский плач из-за двери квартиры Ивонн и постучалась. Когда никто не открыл, соседка наудачу толкнула дверь. Та оказалась не заперта. Женщина вошла внутрь и обнаружила распятую на полу Ивонн. Малыш сидел рядом с ней и плакал.

По словам соседки, фрёкен Биллинг была «девушка работающая, скромная, и никогда не доставляла беспокойства прочим жильцам». Женщина не смогла припомнить возраст Ивонн, но сообщила, что та работает секретарем в Национальном агентстве по планированию. Ранее Ивонн работала в Комиссии по переходу на правостороннее движение. Её сыну Даниэлю оказалось два года, а кто его отец, женщина не знала.

– Да мне это и не интересно, – отрезала она, когда Бритт-Мари задала ей вопрос. – Я не сую свой нос в чужие дела, и жду от людей того же по отношению к себе.

Вообще-то вспыльчивый характер соседки бросался в глаза – она походила на злобный шкаф в фартуке и папилютках. Но учитывая, что здесь только что произошло, сложно было её в этом винить.

Около трёх часов пополудни Бритт-Мари, Фагерберг и Рюбэк пешком отправились обратно. Не было необходимости брать машину – улица Лонггатан была всего в паре минут ходьбы от полицейского участка.

Августовское солнце висело низко, и маленькие лохматые белые облака неспешно тянулись друг за дружкой у самого горизонта, словно овечки на пути к пастбищу. В отдалении слышен был неумолкающий гул шоссе, соединяющего столицу с северными предместьями.

– Так вот, – собралась с духом Бритт-Мари. – Я хотела сказать, что похожее преступление было совершено в сороковые годы, в стокгольмском районе Клара. Моя... дальняя родственница служила тогда полицейской сестрой и присутствовала при обнаружении тела убитой женщины. Эта женщина была распята на полу, в точности, как Ивонн Биллинг.

– Хмм, – промычал Фагерберг. – Когда это случилось?

– Зимой 1944 года. В феврале или марте, насколько я помню.

– Мы это выясним, – ответил Фагерберг. – Но прошло уже тридцать лет, так что маловероятно, что мы имеем дело с тем же самым преступником.

– Очевидно, нет, – согласилась Бритт-Мари с облегчением, так как ей не пришлось отвечать ни на какие вопросы о своей родственнице.

Когда они вышли на площадь, Фагерберг внезапно замешкался, потёр свой похожий на ястребиный клюв нос большим и указательным пальцами, и стал шарить взглядом по вывескам кафе и гастрономов на противоположной стороне. Потом он обернулся к своим спутникам.

– Я чертовски голоден. Инспектор Рюбэк, не хотите поесть, прежде чем мы вернемся к работе?

Рюбэк тут же повернулся к Бритт-Мари.

Солнце золотило густые бакенбарды, а курчавые волосы обрамляли его веснушчатое лицо, словно нимб. На лице Рюбэка застыло несчастное и виноватое выражение, как будто он каким-то образом мог быть в ответе за отсутствие такта, коим грешил их общий шеф.

Бритт-Мари догадалась, что он хотел сказать, и предупредительным жестом подняла ладонь.

– Мне нужно забежать на почту до закрытия. Увидимся на службе.

Потом она развернулась и с пылающими от унижения щеками пошла прочь. Бритт-Мари вновь напомнили о её неполноценности – в последние недели мысли об этом стали постоянными спутниками Бритт-Мари. А избавиться от них она не могла по той простой причине, что речь не шла о том, что и как она делала, а лишь о том, кем она являлась.

Она отправилась на почту.

Ноги всё еще дрожали, и Бритт-Мари не смогла бы сама ответить, было то следствием ужасного зрелища или её собственных умозаключений по поводу убийства тридцатилетней давности.

Смахнув слезу, Бритт-Мари вспомнила, что ей на самом деле необходимо решить пару вопросов, так почему не сделать этого сейчас, если Фагерберг всё равно любой ценой решил от неё избавиться.

В почтовом отделении было прохладно и на редкость немногочисленно. Из большого портмоне, которое Бритт-Мари хранила в банке из-под печенья под блокнотом с рассказом об Элси, она извлекла счета. Не моргнув и глазом, кассирша приняла у неё квитанции. Через пару мгновений она сообщила, откашлявшись:

– С вас двести три кроны и пятнадцать эре.

Бритт-Мари принялась отсчитывать банкноты, однако к собственному удивлению заметила, что в портмоне не хватает нескольких сотен крон.

– Ничего не понимаю.

– Двести три кроны пятнадцать эре, – механически повторила кассирша.

– Но, – заикаясь, выговорила Бритт-Мари, – у меня же не хватает как минимум трёхсот крон.

– Что ж, – кисло промолвила кассирша, – к сожалению, я не в силах помочь вам уладить это небольшое недоразумение.

Когда Бритт-Мари вернулась в участок, возле кабинета Фагерберга горела красная лампочка, но Рюбэк помахал ей рукой через окошко, приглашая войти. Бритт-Мари на миг замешкалась, но затем решительно вошла в кабинет шефа – если бы она осталась ждать снаружи, всё стало бы только хуже.

Фагерберг мог лишить её чего угодно, но только не собственного достоинства. С каменным лицом он наблюдал за ней сквозь завесу табачного дыма. Инспектор Кроок скользнул по ней незаинтересованным взглядом, а его вечно слезящиеся глаза заставили Бритт-Мари подумать о тряпке для вытирания посуды. Рюбэк, разумеется, улыбался. Возможно, слишком широко. Бритт-Мари вновь ощутила, как к щекам приливает кровь.

– Садитесь, инспектор Удин, – велел Фагерберг.

Она без единого слова опустилась на стул.

Фагерберг подался вперёд и уставился на Бритт-Мари. Она, тем временем, размышляла, были его худое лицо и жилистая шея следствием аскетизма или же попросту отражали безрадостное отношение к жизни. Бритт-Мари больше склонялась ко второму варианту.

– Итак, – заговорил Фагерберг, затем выдержал театральную паузу и продолжил. – Мы не продвинулись ни на йоту. Никто ничего не видел. Никто ничего не слышал. Результатов технического исследования ещё предстоит дожидаться. Сама фрёкен Биллинг сейчас явно не в состоянии отвечать на вопросы. Однако медики сообщили нам, что она не была изнасилована

– только жестоко избита. Так или иначе. Исходя из того, что она вам сказала, можем ли мы сделать вывод о том, что она не знала нападавшего, и он, к тому же, был замаскирован?

– Всё так, – согласилась Бритт-Мари.

Фагерберг кивнул.

– Как только фрёкен Биллинг станет чувствовать себя лучше, я хочу, чтобы вы отправились в больницу и допросили её.

– Так точно, – ответила Бритт-Мари.

– Чёрт возьми, распутать это дело будет очень непросто, – пробормотал Фагерберг. – Полная засада.

– А что с тем убийством сорок четвёртого года? – поинтересовался Рюбэк.

– Да, – задумчиво отозвался Фагерберг. – Определённо, сходство весьма значительное. Я связался с одним бывшим коллегой. Он сейчас на пенсии. Он подтвердил слова инспектора Удин. Однако виновный был изобличён. Супруг жертвы, некий Карл Карлссон, был осуждён за убийство, так что совпадения с нашим сегодняшним случаем должны быть чистой случайностью.

Бритт-Мари выпрямила спину.

– Разве не может один преступник скопировать другого? – спросила она.

Фагерберг потёр нос костлявым пальцем.

– Это возможно. Но о том убийстве не написал только ленивый, так что нам это вряд ли что-то даст. Кто угодно мог прочесть всё это и... – Фагерберг сделал паузу, – ...вдохновиться.

8

Тем вечером Бритт-Мари заработалась допоздна. К тому времени как она наконец покинула участок, маленькие невинные облачка на горизонте успели превратиться в тёмную клубящуюся стену, которая с тревожной скоростью надвигалась на Эстертуну. Туча, увлекаемая порывами ветра, который нес с собой пыль и сор, накрыла крышу кинотеатра. Ветер стал трепать зелёную неоновую вывеску универсама «Темпо». Когда Бритт-Мари в темноте подошла к парку, уже начали падать первые маленькие хлесткие капли дождя. Похожие на мелкую металлическую стружку, они взвесью стояли в воздухе, сглаживая видимые контуры огромного котлована, которому вскоре суждено было вырасти в многоуровневый гараж.

Однако Бритт-Мари словно не замечала непогоды. Даже не почувствовала, как порыв ветра задрал ей юбку, обнажив крепкие бёдра.

Она не могла отделаться от мыслей о распятой женщине.

Если бы только Бритт-Мари смогла помочь ей, если бы Бритт-Мари смогла помочь хоть одной такой же несчастной жертве, вот тогда её жизненный выбор был бы полностью оправдан, как и выбор Элси. Тогда и гибель Элси, и вся бесполезная бумажная работа, и все колкости Фагерберга были бы не напрасны. Тогда Бритт-Мари ничего не имела бы против того, чтобы после полного рабочего дня заниматься ещё и домом.

Тогда Бритт-Мари было бы по силам всё, и даже немного больше.

Но как найти преступника в отсутствие свидетелей и улик? И каким образом она, Бритт-Мари, которой доверяли лишь перекладывание бумажек, могла бы помочь Ивонн Биллинг, распятой женщине?

Отпирая входную дверь, она вдруг вспомнила слова Фагерберга:

– Супруг жертвы, некий Карл Карлссон, был осуждён за убийство, так что совпадения с нашим сегодняшним случаем должны быть чистой случайностью.

Уверенность в его взгляде подтверждала сказанное. А если уж Фагерберг, всю свою жизнь прослуживший в полиции, уверен в том, что преступник был схвачен, значит, так оно и было.

– Ау! – воскликнула Бритт-Мари, войдя в прихожую.

Не дождавшись ответа, она скинула туфли и прошла в гостиную. Там работал новый цветной телевизор, и Бритт-Мари узнала музыкальную тему сериала «Линия Онедина».¹²

На ковре перед телевизором сладко спал Эрик, засунув в рот большой пальчик. Бьёрн лежал на диване и раскатисто храпел. На столе валялись две смятые банки из-под пива и стояла пустая четвертушка из-под креплёного вина.

Бритт-Мари выключила телевизор ровно в тот момент, когда могучий нос парусника прорезал толщу воды, а капитан поднял к небу свой секстант.

Бритт-Мари ощутила, как в ней поднимается волна гнева. Ей до смерти захотелось ударить Бьёрна по лицу, но она этого не сделала. Вместо этого она аккуратно подняла Эрика с пола и тихонько отнесла в кровать. Стащила с него штанишки. Проверила подгузник – по крайней мере, он оказался сухим. Пощупала лобик – вдруг температура? И наконец прикрыла сына собственноручно сшитым лоскутным одеяльцем. Потом сгребла пивные банки, окурки и пустую бутылку в кучу, вытерла старый тиковый столик посудной тряпкой – той самой, серый оттенок которой напоминал ей о слезящихся глазах инспектора Кроока – и распахнула балконную дверь, чтобы поскорее выветрить застоявшийся дух табачного дыма и спирта.

Напоследок она подошла к Бьёрну, с большим трудом придала ему полусидячее положение и взвалила его руку себе на плечи.

– Вставай, – коротко сказала она. – Тебе лучше пойти лечь в кровать.

¹² Телевизионный драматический сериал Би-Би-Си, который демонстрировался с 1971 по 1980 гг.

Бьёрн зачмокал губами и замотал головой.

– Они себе не представляют... – невнятно пробубнил он. – Я вообще-то могу с закрытыми глазами отличить G325 от Y37.

– О чём ты?

Она рывком поставила Бьёрна на ноги. Чтобы удержать его, Бритт-Мари приходилось напрягать каждый мускул в теле.

– G325, – бормотал он, делая неловкие, вихляющие шаги.

– Не понимаю.

– Стеклоочиститель. Дворник. С продолговатым рычагом. Я... Я... могу разобрать машину и собрать её заново с закрытыми глазами. И... Но... Всё, что они могут – просиживать там свои жирные задницы и считать деньги.

Бьёрн затих, но через мгновение пронзительно завопил обиженным голосом:

– Мои деньги! Меня выгнали.

Бритт-Мари замерла. Он что, потерял работу? Как же им теперь быть? Он поэтому два раза за день напился до бесчувствия? Бритт-Мари стала обдумывать, как припереть Бьёрна к стенке, но быстро оставила эту идею – бесполезно было ждать от него осмысленных слов сейчас. Так что она довела Бьёрна до кровати, где с облегчением отпустила. Потом ушла в гостиную, опустилась на диван и стала слушать, как дождь барабанит по подоконнику.

Голова раскалывалась, в глазах щипало, желудок скрутило. У Бритт-Мари с самого утра не было во рту ни крошки, но единственное, что оставалось сейчас, – парализующая усталость. Каждая мышца, каждая клеточка в её теле ныли, и Бритт-Мари ощущала всепоглощающее бессилие. Но за маской вселенской усталости пряталось другое чувство – более сильное, и гораздо более пугающее.

Бритт-Мари обвела комнату взглядом. По полу были разбросаны игрушки, с диванного подлокотника свисала кофточка Эрика.

Ей вспомнились мамины слова.

Счастье так хрупко.

Когда Бритт-Мари была маленькой и они ещё жили в Эншеде, в доме по соседству с ними жила одна семья. Это был белый деревянный дом с зелёными наличниками и тёмно-голубым фундаментом. Как была их фамилия? Лундин? Кажется, да.

У Лундинов было двое детей – Фредрик, ровесник Бритт-Мари, который в детстве переболел полиомиелитом и мог передвигаться только в инвалидной коляске, и ещё Франс, младшенький, который страдал от тяжёлых приступов астмы, и к тому же был немного не от мира сего, как говорил папа.

Папа ещё говорил, что ему жаль Лундинов – такое несчастье, когда сразу двое детей больны.

Но вот однажды ранним мартовским утром в начале пятидесятых всех разбудила пожарная сирена. Сцена, которая предстала их глазам, заставила всех изменить свои взгляды на истинное горе.

Дом Лундинов горел ярким пламенем, и к рассвету от него остались лишь несколько обугленных брёвен да голубой фундамент.

В пожаре погибла вся семья.

«Да, счастье и вправду хрупко», – согласилась Бритт-Мари, и в ней вновь поднялась волна злобы. За несчастья и болезни человек не в ответе, но как можно допить до того, чтобы потерять работу и рисковать семьёй?

«Нам нужно всё прояснить, – подумала она. – Нужно поговорить друг с другом, откровенно поговорить. Нужно быть честными и ответственными, ради Эрика. Я поговорю с ним завтра, попытаюсь до него достучаться. И ещё нужно спросить его, куда пропали деньги из портмоне, даже если он разозлится».

Но утром Бритт-Мари обнаружила у Бьёрна букмекерские купоны, и поняла, что время задавать вопросы упущено.

Купоны лежали в кармане джинсов Бьёрна. Они обнаружились, когда Бритт-Мари подняла джинсы с пола ванной, где они валялись, сброшенные подобно змеиной шкуре. Бритт-Мари догадалась, что Бьёрн не смог натянуть джинсы обратно, после того как посетил туалет, поэтому просто оставил их лежать на полу. Когда Бритт-Мари подняла их, она услышала, как в кармане что-то шелестит, и инстинктивно запустила туда руку – Бьёрн частенько засовывал банкноты в карман, а Бритт-Мари по незнанию стирала их вместе с джинсами – и вытащила несколько маленьких квитанций.

Ей понадобилось некоторое время, чтобы разобраться, что именно она держала в руках. Конечно же, она слышала о новом тотализаторе – V65, – но Бьёрн ведь обещал никогда больше не играть на скачках! После того случая, когда он проиграл всю свою месячную зарплату. Если бы тогда она не носила под сердцем Эрика, Бритт-Мари, наверное, ушла бы от него.

Смяв купоны в кулаке, Бритт-Мари ворвалась в комнату, где ещё спали Бьёрн с Эриком. Она вlepила спящему Бьёрну пощечину такой силы, что его голова мотнулась на подушке в другую сторону.

Он вскочил с кровати.

– Какого чёрта? Ты совсем рехнулась?

– Что это такое?

Не дожидаясь ответа, Бритт-Мари швырнула смятые бумажки Бьёрну в лицо.

Он поглядел на жену непонимающим взглядом, а потом потянулся за одной из скомканных бумажек и развернул её.

– Ты же обещал! – закричала она. – Я знаю, откуда ты взял деньги! Это были деньги на оплату счетов!

Она на мгновение замялась, но потом всё же добавила:

– И на отпуск на Мадейре!

Бритт-Мари подумала об открытке с Мадейры, которая украшала их холодильник. Эту открытку ей подарили в турбюро. Они с Бьёрном обещали друг другу, что обязательно туда поедут, как только смогут себе позволить.

– А теперь тебя ещё и уволили! – не умолкала Бритт-Мари. – Как же мы будем жить?

В следующий миг проснулся Эрик. Он заскулил, плач становился всё громче, и через короткое время он издавал уже настоящий вой.

– Ну вот, ты его разбудила, – констатировал Бьёрн, словно Бритт-Мари сама не заметила.

– Это твоя вина! – набросилась она на мужа. – Всё это – твоя вина.

Бритт-Мари подошла к кровати и подняла на руки плачущего сынишку. Прижала тёплые тельце к груди и стала его тихонько укачивать.

– Я всё возьму, – выдохнул Бьёрн со всхлипом. – И не моя вина, что меня выгнали с работы. Это сокращение. Я был согласен даже потерять в зарплате, только бы меня оставили, но они ответили, что это ничего не изменит.

И в этот миг, когда вся семья плакала и кричала, из прихожей донеслось покашливание.

Бритт-Мари обернулась и увидела Май, одетую в летнее платье и кофту. Глаза Май сверкали бесстыдным любопытством из-под седых кудрей. Аромат фиалковых пастилок донесся до спальни.

– Очевидно, я пришла в подходящее время, – сказала она, кивая головой, словно её догадки только что подтвердились.

9

На следующее утро Бритт-Мари в компании Рюбэка отправилась навестить Ивонн Биллинг в Каролинской больнице.

Бритт-Мари не нравились больницы. Больные здесь были ни при чём – ей доставляла дискомфорт мысль о миллиардах бактерий, которые множились и распространялись по длинным коридорам и уютным палатам.

Кто знает, что там можно подхватить?

Сестра, которая проводила их в палату к Ивонн, положила руку на плечо Бритт-Мари и доверительно сообщила:

– Ей ввели болеутоляющее. И успокоительное, конечно. Она сейчас находится под действием лекарств.

Войдя в палату, где лежала Ивонн, Бритт-Мари ощутила, как сердце часто забилось в груди. Женщина на больничной койке выглядела такой хрупкой, такой пугающе маленькой и измождённой.

На Ивонн была белая больничная сорочка, а голова и руки были перевязаны. Из-под бинтов выбивались пряди русых волос, обрамлявшие разбитое до синевы лицо.

Когда вошедшие представились, Ивонн кивнула, и Бритт-Мари с Рюбэком заняли стулья подле кровати.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Бритт-Мари.

– Нормально, – медленно проговорила Ивонн, хотя было очевидно, что это не так.

Ивонн снова заговорила своим низким тягучим голосом:

– Врачи говорят, что мои руки полностью заживут и я снова смогу двигать пальцами.

– Рада это слышать, – ответила Бритт-Мари. – Как ты считаешь, сейчас ты в состоянии поговорить с нами о случившемся?

Рюбэк достал блокнот. Они заранее договорились, что вести опрос станет Бритт-Мари, а он займётся записями.

Ивонн молча кивнула.

– В котором часу ты ушла с работы? – спросила Бритт-Мари, задавая направление разговору.

– Около половины пятого, – механически проговорила Ивонн. – Потом я забрала Даниэля из игровой группы.

– То есть прямо с работы ты отправилась в садик.

Ивонн снова ответила кивком.

– А после того, как ты забрала Даниэля, вы сразу пошли домой?

– Да. Вернее... По пути мы купили еды, в Консуме. Потом мы поужинали, поиграли немного. Я почитала Даниэлю книжку. «Спокойной ночи, Альфонс Оберг», кажется. Даниэль уснул в начале девятого.

– Вы с сыном не заметили ничего необычного по пути домой?

– Необычного?

– Может, какой-то человек шёл следом за вами, или ты обратила внимание на чье-то необычное поведение?

– Нет.

Ивонн прикрыла глаза, и долгое время не издавала ни звука. Бритт-Мари успела подумать, насколько же собранна эта маленькая женщина.

«Наверное, это всё лекарства, которые ей ввели», – решила она. Потому что сама Бритт-Мари не смогла бы рассказать о таком жутком происшествии, не расклеившись и не впадая в истерику.

– А в магазине?

Ивонн медленно покачала перебинтованной головой.

– Нет. Это был самый обычный день.

Она замолчала.

– Мой последний обычный день, – прошептала Ивонн, и Бритт-Мари увидела, как одинокая слеза стекает по её разбитой щеке.

Наступила тишина.

Лицо Ивонн расслабилось, и дыхание стало глубже. Бритт-Мари поначалу решила, что та уснула.

– Но, – внезапно очнулась Ивонн.

– Да?

– Был один человек. Мужчина. Он стоял в парке, когда вечером я выглянула в окно. Прямо перед тем как лечь спать.

– Мужчина? Как он выглядел? – Бритт-Мари заинтересованно подалась вперёд.

– Я не разглядела. Мне кажется, на нём был тёмный плащ. Больше ничего не было видно.

Вы же не думаете, что...

Она замолчала на полуслове.

– Как думаешь, ты смогла бы его опознать?

Ивонн медленно покачала головой из стороны в сторону, и по её щекам снова потекли слёзы. Бритт-Мари дотянулась до лежавшего на ночном столике носового платка, и аккуратно промокнула слёзы на распухшем лице Ивонн.

– Спасибо, – шепнула та. – Нет. Я не видела его лица. Это был он?

– Этого нельзя утверждать, – осмотрительно отозвалась Бритт-Мари. – Ты не помнишь, в котором часу его заметила?

– Точно не скажу. Около полуночи.

Бритт-Мари кивнула.

– Хорошо. Очень хорошо. Но что было потом? Когда ты уже легла в постель? Что произошло?

– Он просто появился там. В спальне.

– Можешь вспомнить, что тебя разбудило?

– Мне кажется, я слышала какой-то звук. Не знаю, что это было.

– А время? Ты не заметила, который был час?

– Должно быть, около трёх часов ночи, потому что позже, когда он оставил меня на полу, мне оттуда было видно будильник, и он показывал половину четвёртого.

При мысли о том, как ужасно испугалась Ивонн, когда проснулась и обнаружила в своей спальне незнакомца, по спине Бритт-Мари пробежала ледяная дрожь.

– Отлично, – бодро произнесла она. – Ты умница. Итак, ты проснулась около трёх часов ночи. Что произошло дальше?

Ивонн снова закрыла глаза, словно желая отгородиться от жестокой действительности.

– Он стоял прямо возле кровати и смотрел на меня.

– Как он выглядел?

Лицо Ивонн напряглось.

– Было ничего не разглядеть. На лице или на голове у него было что-то вроде маски. Может быть, чёрный чулок, я не знаю. И одет он был во всё темное. Я даже не рассмотрела, какого цвета у него волосы.

– Отлично, ты запомнила очень многое.

Перебинтованной рукой Ивонн смахнула с лица слёзы.

– Я запомнила его обувь. Грубые ботинки, рабочие. А в руке у него был нож.

Бритт-Мари переглянулась с Рюбэком. В его взгляде читались печаль и гнев.

– Можешь описать нож?

– Просто нож.

– Такой, каким режут хлеб, или нож для мяса? Или такой, каким строгают дерево?

– Нож для мяса, – шепнула Ивонн. – Он был похож на нож для мяса. С длинным и острым лезвием.

– Хорошо, – подбодрила её в очередной раз Бритт-Мари. – А мужчина? Какого примерно роста он был?

– Не знаю. Не высокий и не низкий.

– Среднего роста?

Ивонн почти незаметно кивнула.

– Он что-нибудь говорил?

– Нет. Только глядел. А потом схватил меня и сбросил на пол. Взобрался на меня верхом, и стал бить головой об пол. Я решила, что он хочет меня убить, и не могла понять, за что. Я не знаю никого, кто мог бы так сильно меня ненавидеть. Я никому не делала зла. Я...

Бритт-Мари накрыла руку Ивонн своей ладонью.

– Мы вовсе так не думаем, – сказала она. – Что произошло потом?

– Мне кажется, я закричала, и тогда он наступил ногой мне на горло. Должно быть, я отключилась, потому что следующее, что я помню, – ужасная боль в ладони. И стук. И Даниэля, который стоял рядом и плакал. Я так сильно испугалась, что он причинит вред Даниэлю! Про себя я молилась, чтобы он убил меня, лишь бы не трогал сына. У меня болело горло, я даже закричать уже не могла. Я будто полностью онемела. Потом я снова потеряла сознание. Я очнулась, когда кто-то стал стучать в дверь.

– Тогда он сбежал?

Ивонн кивнула.

– Наверное, испугался. Он скрылся в прихожей. У него что-то было в руках – рюкзак или сумка. Я немного выждала, а потом попыталась встать с пола, только...

Ивонн осеклась, и на её лице появилось задумчивое выражение. Потом её черты исказила гримаса.

– Я догадалась, что он прибил мои руки к полу. Но всё равно не могла ничего понять. Я имею в виду... что за человек на это способен? И зачем это ему?

Бритт-Мари встретилась взглядом с Ивонн, но ответа у неё не было.

«Да, что же это за человек?» – повторяла она про себя, поглаживая пальцем старое помолвочное колечко Элси, которое носила на цепочке вокруг шеи. Бритт-Мари в очередной раз дала себе зарок, что сделает всё, что будет в её силах, чтобы остановить это чудовище, ради Элси и ради Ивонн.

Тем вечером, вернувшись домой, Бритт-Мари обнаружила на своей кухне свекровь. Май деловито нарезала овощи. Эрик на полу возился с кубиками, в квартире пахло моющим средством. На холодильнике висела открытка с Мадейры. Бритт-Мари взглянула на высокие покрытые цветами горы, подножия которых спускались к самому морю, и на бесконечное небо.

Они никогда не смогут туда поехать.

– Я решила сварить овощной суп, так что тебе не придется сегодня готовить, – пояснила Май, одарив невестку одной из своих дежурных улыбок.

– Большое спасибо, не стоило, – ответила Бритт-Мари, испытывая, тем не менее, огромную благодарность. Разговор с Ивонн Биллинг вымотал её, и в одном виске пульсировала боль. Бритт-Мари прикинула, стоит ли комментировать ссору, свидетельницей которой утром стала Май, но пришла к выводу, что у неё на это просто нет сил.

– Тебе нужно поесть, – пробормотала Май, высыпая в кипящий бульон нарезанные кубиками брюкву и пастернак.

– Знаешь что? – неожиданно сказала Бритт-Мари. – Я очень рада, что ты нам помогаешь. Особенно сегодня, потому что на работе у меня выдался ужасный день.

Май посмотрела на неё долгим взглядом, но ничего не сказала. Вместо этого она взяла лук-порей, сделала надрез вдоль стебля и ополоснула его под краном. Потом водрузила его на разделочную доску и принялась рубить.

– На Лонггатан вчера была обнаружена женщина, распятая на полу, – продолжила Бритт-Мари свой рассказ.

Глаза Май расширились, рот приоткрылся.

– Совсем как...?

– Да. Совсем как было у Элси.

– О времена! Он что, вернулся, этот Болотный Убийца?

Бритт-Мари взвешивала, стоит ли делиться подробностями со свекровью, но сочла, что та не представляет угрозы. К тому же, Бритт-Мари хотела сделать над собой усилие и выстроить хоть какие-то взаимоотношения с матерью Бьёрна.

– Я подумала о том же. Но мой шеф, Фагерберг, поднял архивы и выяснил, что тот – убийца из сороковых – попался и сел за решётку.

– Таких совпадений не бывает. У меня есть свояк, который в те годы служил в полиции. Я с ним свяжусь.

– Я ничего не говорила Бьёрну, – помедлив, призналась Бритт-Мари. – Он стал бы переживать из-за меня.

Внимательно глядя на невестку, Май протянула руку за очередной морковкой.

– Наверное, он был бы прав, – сказала она, и принялась отточенными движениями чистить корнеплод.

Бритт-Мари выдавила из себя улыбку.

– Я сама могу о себе позаботиться.

– Я в этом не сомневаюсь, – сухо отозвалась Май, вытирая руку о фартук. – Только подходящая ли это работа для молодой матери? – глухим голосом продолжала она, не отрывая взгляда от моркови. Мышцы её жилистых рук ритмично сокращались под кожей, пока она резала и рубила. Наконец на разделочной доске выросла целая гора оранжевых кругляшей.

– Я люблю свою работу. И нам нужны деньги.

Бритт-Мари протянула руку, чтобы дотронуться до Май, но что-то в последний момент её остановило. Она так и осталась стоять, глядя на худую спину свекрови.

– Май, – наконец заговорила она. – Я знаю, что ты решила бросить работу, когда Бьёрн был малышом, и могу это понять, но сейчас всё иначе.

Май вдруг остановилась и уперлась взглядом в сливное отверстие раковины. Бритт-Мари было ясно, что она, возможно, слишком близко подобралась к самой чувствительной теме. Это в семье Бьёрна не обсуждалось никогда. «Ужасное лето».

– Решила бросить работу, вот как ты думаешь? – спросила Май.

– Я думала, что...

– У меня не было выбора, девочка моя. Неужели тебе кажется, что мне не хотелось бы иметь работу, куда можно уходить по утрам, а возвращаясь, видеть прибранный дом? Еду, уже стоящую на столе к моему приходу? Кому не захотелось бы пожить так, как живут мужчины? И возможно, мне бы это удалось, если бы не родился Бьёрн и не умер Рагнар, и если бы всё не полетело к чертям собачьим тем ужасным летом.

Она умолкла.

– Прости меня. Я не хотела...

Май промолчала, но Бритт-Мари видела, что она изо всех сил сжала нож в кулаке. Костяшки побелели, рука немного дрожала.

В следующий миг распахнулась входная дверь и раздались шаги. В дверях кухни возникла физиономия Бёрна.

– Привет!

Он по очереди поглядел на Май и на Бритт-Мари.

Улыбка Бёрна погасла.

– У нас что-то случилось?

10

Дни складывались в недели, а дома у Бритт-Мари с Бьёрном царило хрупкое перемирие, нарушать которое ни у одного из них не было ни желания, ни сил. Иногда они разговаривали друг с другом, и Бьёрн всякий раз бывал полон раскаяния и обещал начать поиски новой работы. А ещё – вернуть деньги.

Бритт-Мари уже не знала, чему верить. Она больше не злилась на Бьёрна, скорее ощущала разочарование и ещё, возможно, удивление. Но прежде всего Бритт-Мари чувствовала усталость – от необходимости постоянно исполнять функцию жандарма, который пресекает любую шалость. А ещё от того, что постоянно приходилось подбирать и выносить окурки и банки из-под пива. Бритт-Мари напрягало, что Бьёрн вовсе не спешил ей рассказывать о том, что произошло у него на работе. Если это было сокращение, не должны ли были его предупредить заранее?

Однако у Бритт-Мари были и собственные тайны. Так ли справедливо было требовать от Бьёрна полной откровенности, когда сама Бритт-Мари предпочитала умалчивать о многом?

Может быть, исходя из этих соображений Бритт-Мари всё же решила рассказать мужу о распятой женщине, которую обнаружили вблизи парка Берлинпаркен.

Реакция Бьёрна оказалась вполне ожидаемой.

– Ты в своём уме? – воскликнул он. – А вдруг с тобой что-то случится? Вдруг он и тебя достанет?

Бритт-Мари спокойно и обстоятельно разъяснила ему, что большую часть дня проводит, стуча по клавишам печатной машинки, и в таких условиях вероятность того, что кто-то захочет или сможет ей навредить, стремилась к нулю.

Но Бьёрну явно было этого недостаточно.

– Ты должна подать рапорт о переводе, – заявил он. – Сможешь работать на другом направлении. Дорожно-транспортные происшествия, кражи... что угодно, только не это.

Бритт-Мари обещала ему поговорить на этот счёт с Фагербергом, но выполнять обещание не спешила.

Тем временем расследование нападения на Лонггатан, 23, шло полным ходом. Бритт-Мари отныне было позволено присутствовать на совещаниях в прокуренном кабинете Фагерберга. Однако её роль при этом была строго ограничена: ей дозволялось вести стенограмму совещания, чтобы затем перепечатать её начисто на пишущей машинке у себя в кабинете.

Бритт-Мари было отлично известно, что зови-меня-Алисой вполне могла бы справиться с этой работой, однако она не смела возразить шефу из страха быть опять сосланной на работы по разгребанию документальных материалов и раскладыванию их по папкам в огромном сером картотечном шкафу. Едва она подавала голос или каким-то образом высказывала возражение Фагербергу, её тут же посылали за кофе, или вообще в магазин за сигаретами.

Однажды Бритт-Мари раньше обычного справилась со своей печатной работой, но вместо того, чтобы выйти из кабинета и пообщаться с коллегами, она решила переписать начисто свой рассказ об Элси. Для неё это было желанной передышкой между вечными совещаниями и работой за печатной машинкой.

История обросла новыми подробностями, дома Бритт-Мари несколько дней подряд засиживалась допоздна, работая над ней. И теперь ей было жаль, что эта работа подходила к концу.

Бритт-Мари знала, что Фагерберг к ней несправедлив. Более того, эта несправедливость была просто необъяснима. Её каменнолицый шеф был ходячим анахронизмом. Швеция – современная страна, в которой только что на законодательном уровне разрешили аборт и ввели страхование на случай рождения ребёнка. Женщины теперь были вольны выбирать

любую профессию, а любовь если и не стала свободна, то уж точно более раскрепощена, чем раньше, – всё благодаря противозачаточным таблеткам.¹³

Как всё это могло пройти мимо Фагерберга?

Он что, проспал все шестидесятые? И студенческие забастовки, и фестиваль Вудсток, и движение в защиту прав женщин, и знаменитый лозунг «личное есть политическое»?¹⁴

Похоже на то.

Но как бы ни обстояло дело с его отношением к равноправию, невозможно было поставить под сомнение профессиональную компетентность Фагерберга. Твёрдой рукой он направлял ход расследования, и всё последнее время было посвящено скрупулёзному изучению занятий и привычек Ивонн, а также круга её знакомств. Они самостоятельно опросили всех соседей, а с помощью участковых полицейских постучались в дверь к каждому жителю во всей округе. Они опросили даже родителей детишек из группы Даниэля в детском саду. Но никто из опрошенных не замечал ничего подозрительного и не мог припомнить мужчину, которого Ивонн разглядела в парке возле статуи. Всё это Бритт-Мари педантично отражала в своих отчётах.

Её коллеги и не догадывались о том, что перепечатывание отчётов и протоколов стало для неё отныне не только служебной обязанностью, но и убежищем как от ледяного холода, поселившегося в её двухкомнатной квартире, так и от систематических унижений в кабинете Фагерберга. Ибо среди всех несправедливостей мира Бритт-Мари сумела отыскать свой способ не сойти с ума – облачившись в непроницаемые доспехи перфекционизма.

Работал способ безотказно. По крайней мере, так считала сама Бритт-Мари. Если Фагерберг и имел какое-то мнение на этот счёт, он его не озвучивал. А Кроок в основном издавал нечленораздельные одобрительные возгласы по поводу любого высказывания Фагерберга – когда присутствовал на совещаниях, конечно, потому что шеф поручил ему работу ещё над парой дел.

С другими коллегами по отделу Бритт-Мари виделась нечасто, но те всегда дружелюбно ей кивали, столкнувшись в коридоре.

С Рюбэком, конечно, всё обстояло иначе.

Тот часто комментировал неисправимое скотство Фагерберга, и когда он это делал, то всякий раз накрывал руку Бритт-Мари своей ладонью, словно придавая своим словам дополнительный вес.

Бритт-Мари всё это одновременно нравилось и не нравилось, потому что в её душе зарождалась печаль. Мучительная тоска накрывала её, когда Бритт-Мари честно признавалась себе, какие эмоции испытывает по отношению к Рюбэку, а какие – к собственному мужу, который вот уже неделю как перебрался спать на диван в гостиной.

Бритт-Мари закрывала дверь в спальню к себе с Эриком, прежде чем принять лёгкое успокоительное, которое прописал ей врач. Бьёрна, кажется, такая ситуация устраивала, или же он, подобно Бритт-Мари, нашёл способ примириться с положением дел. Он послушно спал на диване и всё больше времени стал проводить в обществе Суддена в старом дачном домике на берегу озера Тунашён.

Бритт-Мари понятия не имела, чем они там занимались, но когда Бьёрн возвращался домой, от него разило выпивкой.

¹³ Страховка, покрывающая расходы, которые могут понести граждане в связи с рождением ребёнка; включает в себя как денежные пособия, так и частичное возмещение расходов на лечение и медикаменты, а также проезд в общественном транспорте.

¹⁴ Имеются в виду различные протестные выступления молодежи в разных странах мира (Франция, Италия, Польша, Югославия, Бельгия, Финляндия, Швеция) в 1968 году, во многом эти протесты были направлены против участия США в войне во Вьетнаме, но также протестующие боролись за права человека, против расизма, выступали в поддержку феминизма и защиту окружающей среды.

Иногда по утрам, когда Бритт-Мари просыпалась, Бьёрна всё еще не было дома. В таких случаях она чувствовала лишь облегчение. Когда же он предпринимал неловкие попытки сблизиться с ней в этом смысле, она его отталкивала. Как он вообще мог подумать об этом притом, какие между ними теперь были отношения?

И словно ситуация дома была недостаточно катастрофической, Бритт-Мари всё чаще стали посещать мысли о Рюбэке. В том числе в таких обстоятельствах, в которых им вовсе не стоило возникать.

«Что со мной такое?» – спрашивала она себя.

«Что творится с моей жизнью?»

* * *

В среду, четвёртого сентября, Маргарета Ларссон забрала свою дочь Лену из дома няни, которая жила в одной из новостроек возле водонапорной башни. На часах было начало восьмого, и у Маргареты только что кончилась поздняя смена в универмаге «Темпос» на центральной площади Эстертуны.

Вечер выдался тёплый и красивый, и она решила сделать небольшой крюк вокруг парка Берлинпаркен, чтобы подольше погулять. Шея и спина у неё ныли после целого дня работы на кассе, а ноги казались тяжёлыми и окостеневшими. Лена уснула в коляске ещё до того, как они добрались до детской площадки, что вообще-то было к счастью – иначе она непременно захотела бы пойти туда, несмотря на то, что уже темно и на площадке никого больше не осталось.

Маргарета распахнула калитку ворот у дома 10 на Берлингатан, протиснулась вместе с коляской во входную дверь, и припарковала транспорт под лестницей. Потом осторожно взяла на руки спящую дочь.

Шаги Маргареты эхом отдавались в пустом подъезде, пока она поднималась на третий этаж.

Ей удалось выудить из сумки ключи, не уронив Лену. Она отперла дверь, вошла в квартиру и сбросила сабо. Потом тихонько прошла в гостиную и положила девочку в красивую кроватку, которая досталась Лене по наследству от двоюродной сестры. Лена немного похныкала, но не проснулась.

Маргарета задумалась. Вообще-то не стоило позволять Лене заснуть сейчас, ведь в таком случае завтра она проснётся слишком рано. Но Маргарета так устала, а спина продолжала неумолимо ныть, несмотря на совершённую ими прогулку. Маргарета решила не будить дочь, хотя знала, что завтра спозаранку ей придется за это заплатить.

Она осторожно сняла с дочки крошечную вышитую крестиком курточку, чересчур дорогую даже несмотря на то, что была куплена на распродаже. Пощупала подгузник – тот был сух. Потом накрыла Лену одеяльцем и тихонько поцеловала в щёчку.

«Так удивительно», – подумала Маргарета.

Когда она носила ребёнка, то воспринимала свою беременность как катастрофу. Словно её жизнь закончилась. А теперь Маргарета не могла представить свою жизнь без Лены. Не могла представить, чему посвящала бы всё свое время, кому дарила бы всю свою любовь, если бы на свете не было этого маленького человечка.

«Может быть, когда-нибудь у нас получится найти тебе подходящего папу», – мечтала она. В Эстертуне живет много симпатичных и веселых ребят. Например, тот, что всегда выбирает её кассу в «Темпос». Он всегда покупает еду только на одного человека, выглядит уставшим и одет в тёмный костюм, как банковский служащий.

Вчера он интересовался её планами на выходные.

Или тот мужчина постарше, который всё время возникает неподалёку, когда Маргарета прогуливается вдоль озера. Они обычно беседуют друг с другом, идя рядом по берегу. Когда он уходит, то всегда улыбается, прикладывая руку к полям своей шляпы.

Маргарете вспомнился и парень, который на прошлой неделе помог ей нести сумки с продуктами – от самого центра до Берлинпарк. Тот самый, с забавным выговором.

Он ведь тоже очень даже ничего?

Когда Маргарета погасила верхний свет, в парке за окном она заметила какой-то силуэт. Было похоже, что кто-то стоял, прислонившись к дереву, почти вплотную к фонарному столбу. Но как только Маргарета подошла к окну, чтобы разглядеть получше, силуэт скользнул прочь и растворился в темноте парка.

«Должно быть, мне почудилось», – решила Маргарета, и отправилась на кухню. Там она поставила на плиту чайник и сделала себе бутерброд.

Она перекусила, а потом приняла душ – в квартире стояла духота, а после горячего чая она вспотела. Маргарета прикинула, нельзя ли тихонько включить в спальне телевизор, но решила не рисковать понапрасну: если Лена проснётся сейчас, пройдут часы, прежде чем она снова уснёт. А Маргарета должна быть на рабочем месте в четверть девятого вне зависимости от того, насколько она будет уставшей.

Маргарета немного приоткрыла балконную дверь, чтобы впустить в квартиру свежий воздух, и решила почитать в кровати. Но усталость взяла своё, и Маргарета, положив книжку на пол, погасила ночник.

Она сразу провалилась в сон.

Плечи расслабились, боль в спине отпустила, сменившись приятным ощущением невесомости.

Ей снилось, что Лена сидит в своём детском креслице и играет с дорогими наручными часами, которые Маргарета получила в подарок на Рождество от матери. Маленькими липкими пальчиками Лена цепко держала часы и громко стучала ими о свой столик.

Маргарета пыталась ей помешать, но всякий раз, как она протягивала руку за часами, та словно отказывалась ей подчиняться. Словно жалкие сантиметры, отделявшие кончики её пальцев от цели, на самом деле были непреодолимо огромным расстоянием.

Лена царапала часы о столешницу.

– Тщщщж.

Маргарета открыла глаза, и сон растаял.

– Тщщщж.

Сон как рукой сняло.

Этот царапающий звук. Он исходил не от Лены. Маргарета вгляделась в темноту, но ничего не увидела. В следующий миг раздался знакомый скрип балконной двери. Может быть, ночью она открылась? Когда Маргарета ложилась спать, ветра совсем не было, но в это время года погода так переменчива.

В темноте раздалась другие звуки; они были больше всего похожи на шаги. Как будто кто-то крался по квартире. Потом из прихожей донесся какой-то приглушенный шлепок.

Она ещё спит? Может быть, она застряла во сне, и никак не может проснуться?

В дверном проёме возник силуэт, который был чернее окружающей темноты.

И Маргарета закричала.

Она закричала громко, изо всех сил, несмотря на то, что Лена могла проснуться. Потому что если это был сон, Маргарета хотела как можно скорее проснуться.

11

Обнажённое женское тело, лежавшее на полу с раскинутыми в стороны руками, было видно прямо из прихожей. Сердце Бритт-Мари заколотилось в груди – ей стало ясно, что их ждёт.

Они сделали несколько шагов вглубь комнаты, тщательно выбирая, куда поставить ногу, – множество липких кровавых отпечатков чьих-то подошв окружали тело.

Фагерберг присел на корточки, и Бритт-Мари последовала его примеру. Она сделала попытку взглянуть на женщину, заставить себя зафиксировать взгляд на разбитом до синевы лице и на длинном белом предмете, который торчал у покойной изо рта. Но взгляд не слушался Бритт-Мари, он упрямо ускользал в сторону колыбельки, вручную расписанной розами, на полу перед которой валялась скомканная одежда. Взгляд стремился дальше, к маленькому столику у стены, где стоял проигрыватель и лежала пачка сигарет. Взгляд пытался уцепиться за всё, что осталось в этой комнате нормального и ещё дышало жизнью.

Бритт-Мари вновь оглядела колыбельку. Должно быть, она принадлежала девочке, которая только что осталась без матери.

– Да уж, чёрт возьми, – пробормотал Фагерберг, потирая крылья своего крупного носа, словно желал убедиться, что тот по-прежнему находится на положенном месте. – Это снова он, и говорить не о чем.

Фагерберг натянул перчатки, немного пошевелил ногу женщины, и задумчиво хмыкнул.

– Посмотрим, что скажет патологоанатом, но сдаётся мне, что она мертва уже несколько часов.

– Что у неё во рту? – Бритт-Мари удивилась, как плохо слушался её собственный голос.

Фагерберг немного помедлил с ответом.

– Мне кажется, это ёршик для унитаза. Руки, инспектор Удин. Взгляните на руки.

Бритт-Мари, превозмогая себя, взглянула на руку покойной. Из окровавленной ладони торчала шляпка гвоздя.

Спустя час на место прибыли криминалисты. Бритт-Мари с Рюбэком уже огородили место преступления и опросили соседей.

– Маргарета Ларссон, – сообщил Рюбэк, затушив брошенный на тротуар окурок. Они вышли на воздух, чтобы сделать небольшой перерыв. – Двадцать пять лет. Работала кассиршей в универмаге «Темпос». Дочери пятнадцать месяцев, зовут Лена. Сейчас она у соседей, но социальные службы уже готовы её забрать.

Бритт-Мари кивнула.

Добытая ею информация в целом соответствовала.

– Кажется, никто ничего не видел.

Рюбэк прикурил ещё сигарету.

– Как, чёрт побери, он смог проникнуть внутрь незамеченным?

– Не имею ни малейшего понятия, – отозвалась Бритт-Мари, глядя в графитово-серое небо, по которому ползли тяжёлые дождевые тучи. Несмотря на погоду, было тепло, почти душно, и прохожие на улице были одеты сплошь в футболки и джинсы.

На выходе показался Фагерберг.

– Что у вас?

– Не так уж много, – ответил Рюбэк.

Фагерберг вздохнул, поднял взгляд к небу и водрузил шляпу на голову.

– Сложно расследовать убийство, когда вокруг одни слепые, глухие или умственно отстающие, – пробормотал он.

– Что будем делать? – спросил его Рюбэк.

– Что и всегда, – бросил Фагерберг, повернулся к ним спиной и зашагал в направлении центра.

Бритт-Мари встретила взглядом с Рюбэком.

Что и всегда.

Это означало поминутное документирование жизни жертвы за последнее время. Много-часовые беседы с друзьями и родственниками, изучение списков и выписок из регистров.

Это означало, что они будут хвататься за каждую соломинку, чтобы отыскать недостающие кусочки мозаики и выйти на след убийцы.

Однако уже на другой день стало ясно, что анализировать им практически нечего.

Было утро пятницы, времени – всего половина восьмого, но все уже были на своих местах на третьем этаже полицейского участка Эстертуны. Им нужно было составить отчёт, который Фагерберг позже собирался представить начальнику полицейского управления.

Даже зови-меня-Алисой была вызвана на работу пораньше, чтобы перепечатать текст начисто. Что было чудесно, потому что в таком случае Бритт-Мари могла не касаться этой работы.

Бьёрн вместе с Май собирались сегодня отвести Эрика в кондитерскую, что, по мнению Бритт-Мари, было просто замечательно. Ведь вместо того, чтобы напиться до полусмерти, Бьёрн станет есть булочки и пирожные.

За Эрика она почти не волновалась, во всяком случае, пока он был вместе с Май. Свекровь, возможно, не могла обеспечить удовлетворение всех его эмоциональных потребностей, но по крайней мере возвращала его в целостности и сохранности, и к тому же опрятным.

Единственное, что в данный момент беспокоило Бритт-Мари, – это кашель, который вот уже несколько дней донимал Эрика. Утром, приложив ухо к его маленькой грудке, Бритт-Мари заключила, что его дыхание стало довольно шумным, и после консультации с толстым справочником фельдшера, жившим у них дома на книжной полке, впала в сложно контролируемое состояние, близкое к отчаянию.

Воспаление лёгких. Астма. Круп.

А если это что-то серьёзное?

Но когда Бритт-Мари поделилась своей тревогой с Май, та скорчила мину и ответила, что дети время от времени кашляют, а Бритт-Мари стоило бы перестать себя накручивать.

Бритт-Мари бросила взгляд на свои новые светлые туфли на сдержанной, но всё же отчётливо заметной танкетке – слишком дорогие, но она решила, что в текущей ситуации может их себе позволить. К тому же, Бритт-Мари всё ещё испытывала радость по поводу того, что может ходить на работу, одетая как любой нормальный человек, не будучи связана необходимостью носить плохо сидящую форму, пошитую по мужским меркам.

Она окинула взглядом центральную площадь, по которой неспешно прогуливались легко одетые жители Эстертуны, наслаждаясь теплом бабьего лета. Бритт-Мари глядела на место, до сей поры бывшее для неё воплощением благополучия и уверенности, а теперь ставшее гнездом беззакония и обмана. Кто угодно из этих мужчин мог оказаться убийцей – тот папа с коляской, рядом с которым шагала худая женщина в футболке без лифчика, или мужчина в выходном костюме, или бородатый толстяк-пьяница, которого Бритт-Мари каждый день видела у фонтана, тот самый, похожий на Беппе Вольгерса.¹⁵

Смогла бы она понять, что видит перед собой убийцу, стоя перед группой мужчин? Взгляд, поведение, манера держаться – что из этого может выдать притаившееся зло?

Бритт-Мари хотелось бы верить, что смогла бы. Она неплохо разбиралась в людях, и знала об этом. Но что бы ни двигало этим человеком, вероятнее всего, оно скрывается под личиной нормальности.

¹⁵ Беппе Вольгерс (1928–1986) – шведский писатель, поэт, переводчик, лирик, актёр, артист.

За спиной Бритт-Мари раздалось покашливание, и она обернулась на звук. На веснушчатом лице Рюбэка цвела широкая улыбка.

– Привет, – сказал он, снял кожанку, и плюхнулся на место Бритт-Мари.

Рыжеватые бакенбарды стали слегка короче, Рюбэк был свежесвыбрит, из-за чего выглядел моложе.

Бритт-Мари с улыбкой засеменила ему навстречу. Улыбка никак не хотела сходиться с её лица, хоть Бритт-Мари и пыталась с ней совладать. Потому что, если честно, Рюбэк был единственным взрослым человеком, с которым она в данный момент имела желание общаться.

– Уступить тебе моё место за печатной машинкой? – спросила она. – Тогда и ты сможешь заняться перепечаткой отчётов.

Рюбэк засмеялся и посмотрел ей в глаза.

– Нет, я подумал, что...

В это мгновение Бритт-Мари оступилась – она ещё не привыкла носить туфли на танкетке. На миг она потеряла равновесие, но Рюбэк успел схватить её за руку прежде, чем она упала. Он не делал резких движений и не дёргал руку Бритт-Мари, но, словно по иронии судьбы, она всё равно приземлилась прямо к нему на колени.

По выражению его лица Бритт-Мари поняла, что Рюбэк удивлён не меньше, чем она сама.

– Ой, я... я... – запинаясь, выговорила она, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

В этот миг внезапно распахнулась дверь кабинета, и внутрь вошёл их каменнолицый шеф, одетый в один из своих, на первый взгляд, одинаковых серых костюмов. Увидев их, он замер на месте с приоткрытым ртом, словно от удивления оставил приоткрытой дверцу в свой внутренний мир. В следующий миг дверца захлопнулась: рот Фагерберга вновь стал похож на белёсую ниточку, и он вышел из кабинета тем же путём, что и зашёл.

– Чёрт возьми, – выдавила Бритт-Мари, вскакивая с колен Рюбэка. Она быстро одёрнула юбку и пригладила чёлку.

Рюбэк тут же без лишних слов пересел на собственное место.

– Наверное, он решил, что... – тяжело выдохнула Бритт-Мари, опускаясь на свой стул. – Что нам теперь делать?

– Это был несчастный случай, – спокойно ответил Рюбэк, исподтишка разглядывая её туфли, но даже он выглядел обескураженным. Бледная кожа под веснушками приобрела тот же оттенок, что и каша с брусничным пюре, съеденная ею на завтрак, а взгляд его метался между Бритт-Мари и окном.

– Но ему это знать неоткуда, – возразила Бритт-Мари.

– Нам вовсе незачем ему что-то объяснять, – сказал Рюбэк. – Это сделает ситуацию ещё более...

Дверь распахнулась, и в неё вновь вошёл Фагерберг. Если он и был возмущён, то ничем этого не выдал, его лицо оставалось таким же бледным и бесстрастным, каким оно было всегда. Его взгляд упал на стопку бумаги рядом с пишущей машинкой.

Бритт-Мари сделала вид, что читает текст, но тут же осознала свою ошибку.

Элси. Стокгольм, февраль 1944.

– Что это? – спросил Фагерберг.

– Ничего, – жалко проблеяла Бритт-Мари, хватая пачку листов и пытаясь запихнуть их к себе в сумочку.

– В моём кабинете через пять минут, – отрезал Фагерберг.

12

Когда явились Бритт-Мари с Рюбэком, в насквозь прокуренном кабинете шефа уже вовсю дымили Фагерберг и Кроок.

Кроок принялся бесстыдным образом разглядывать Бритт-Мари, так что она сразу заподозрила, что Фагерберг уже всё ему рассказал.

Когда вошедшие сели, Фагерберг молча швырнул на стол вечернюю газету и выжидательно сложил руки на груди. Затем откашлялся и ткнул своим длинным костлявым указательным пальцем в газету.

Кроок с Рюбэком поднялись. Бритт-Мари незаметно одёрнула трикотажную водолазку и всем телом подалась вперед, чтобы разглядеть заголовок.

«Убийца распинает женщину в Эстертуне», – прочла Бритт-Мари.

О нападении на Ивонн Биллинг и её избиении пресса уже писала, однако до сих пор детали происшествия и методы преступника репортёрам не были известны.

– Перкеле, – невнятно пробурчал Кроок, запихивая окурочек в переполненную пепельницу.¹⁶

– Будем исходить из того, что никто из вас не стал бы якшаться с этими писаками, – сквозь зубы процедил Фагерберг, практически не открывая рта.

Все покачали головами.

– А если на одного из вас вышли бы репортёры, то вы держали бы свои языки за зубами, – продолжал он. – Я очень надеюсь, что так оно и есть.

Затем он повернулся к Бритт-Мари и снова откашлялся.

– Даже когда так хочется облегчить сердце перед кем-то, когда сталкиваешься со злом и смертью, а в особенности, когда всё это ещё в новинку, – даже тогда не нужно разевать свою пасть.

Взгляд Фагерберга так помрачнел, что у Бритт-Мари пошли мурашки по коже. Её обдало ледяным холодом, словно окатило январской водой. Презрение, отвращение и замешательство читались на его лице. Будто Фагерберг никак не мог взять в толк, как кто-то вообще мог впустить такую, как Бритт-Мари, в его полицейский участок.

Она с такой силой сжала в руках блокнот и ручку, что побелели костяшки пальцев.

Зачем он так с ней?

Только потому, что она здесь новенькая?

Но ведь и Рюбэк здесь такой же новичок, как она. И в какой-то миг Бритт-Мари даже собралась высказать это Фагербергу. Но решимость её испарилась, как деньги в портмоне, как тот пузырящийся, щекотный восторг влюбленности, который Бритт-Мари однажды испытала с Бьёрном.

Она заторможенно кивнула.

– Да, комиссар.

Все взгляды были прикованы к ней, словно Бритт-Мари была обезьянкой в клетке.

– Чудесно. В таком случае, мы можем приступить к тому, ради чего сегодня собрались. Кроок, есть новости?

Кроок нехотя отвёл взгляд от Бритт-Мари, взял папку и стал листать её содержимое.

– Как вам известно, имя жертвы – Маргарета Ларссон. Дочь Лена пятнадцати месяцев от роду. Отца мы до сих пор не смогли установить. Также мы не смогли связаться с родителями жертвы, которые, согласно регистру, проживают в Смоланде. Тело Маргареты обнаружил

¹⁶ Финское ругательство – злой дух, чёрт.

рабочий, который пришёл латать трубу в ванной. У него был ключ, так как совсем недавно он занимался в её ванной более крупным ремонтом. И да, у него есть алиби. Я лично всё проверил.

Фагерберг громко стукнул ручкой об стол.

– Инспектор Кроок, я спрашивал, есть ли новости. Если бы мне необходимо было освежить в памяти то, что нам уже известно, я мог бы это прочесть.

Выцветшие глаза Кроока зашарили по кабинету, и наконец, взгляд его снова упёрся в Бритт-Мари.

Она сидела, уставившись в раскрытый блокнот у себя на коленях.

– О, – восторженно воскликнул Кроок. – Я переговорил с владельцем недвижимости. Все ключи в наличии.

– Владелец – тот же человек? Что и в деле Биллинг?

– Да. У консьержа алиби на оба случая. Ещё я пообщался с криминалистами. В квартире обнаружилось множество отпечатков, но на предмете, который был во рту у жертвы, их не нашли. Это туалетный ёршик, кстати. Лично я думаю, что преступник был в перчатках, как и в случае с Ивонн Биллинг. Она ведь это заметила.

– Да, так она утверждает, – согласился Фагерберг. – Ещё что-то?

– Подтвердилось наличие следов спермы на и в теле жертвы. Также под ногтями у неё обнаружены кровь и частички эпителия.

– Кровь?

Фагерберг подался вперёд и упёрся взглядом в Кроока, тот неуверенно улыбнулся.

– Да, они смогли определить группу крови. Это третья положительная, если вас интересует.

– Отлично, – проговорил Фагерберг. – Замечательно. Третья положительная всего у двух процентов населения. Это нам на руку. Что насчёт ножа? Не нашли?

Бритт-Мари поёжилась, представив себе большой нож для мяса, о котором рассказывала Ивонн Биллинг.

– Нет, – отозвался Кроок. – Нож до сих пор не обнаружен. На теле жертвы нет ни порезов, ни колотых ран. Патологоанатом утверждает, что жертва была изнасилована, избита, возможно, ногами, но скончалась именно от последствий тупой травмы головы. Вероятнее всего, он многократно бил её головой об пол. Однако нож всё равно мог быть использован – например, чтобы контролировать поведение жертвы. Так он поступил с Ивонн Биллинг.

Кроок откашлялся и продолжил:

– Патологоанатом считает, что смерть жертвы наступила между тремя и шестью часами утра пятого сентября. Никто из соседей ничего не видел и не слышал, за исключением одного пенсионера с первого этажа, который показал, что видел, как ранним утром светлый «Вольво Амазон» в большой спешке отъезжал от дома. К сожалению, сосед не разглядел ни регистрационный номер, ни того, кто был за рулём. Никто из соседей также не замечал подозрительных мужчин в парке.

Фагерберг фыркнул.

– Того парня, которого, как она утверждает, видела Ивонн Биллинг, можно списывать со счетов. Даже если там кто-то и был, нападение было совершено несколько часов спустя – он точно не имеет к этому никакого отношения.

Он замолчал, но вскоре заговорил снова.

– А вот автомобиль может представлять интерес. Нужно постараться отследить его передвижения. И дать об этом комментарий в прессу.

– Подождите, – подала голос Бритт-Мари. – Если она скончалась в промежутке между тремя и шестью часами утра, а рабочий обнаружил тело около четырёх часов пополудни... Она что, пролежала мёртвая двенадцать часов в одной комнате со своей маленькой дочкой?

– Кажется, так, – отозвался Кроок, шурша полосками бумаги, над которыми явно потрудился дятел – так они прозвали телетайп в кабинете зови-меня-Алисы.

– Итак, каков наш общий знаменатель? – спросил Фагерберг.

Кроок прикурил очередную сигарету и кивнул.

– Модус операнди, само собой, – ответил он, заходясь хриплым кашлем. – Исходя из способа действия можно предположить, что преступник – то же лицо, что и в случае двухнедельной давности. Между жертвами тоже прослеживается определённое сходство.¹⁷

– Подробнее, – скомандовал Фагерберг.

Бритт-Мари стенографировала так быстро, как только могла, чтобы не упустить никакой важной информации. Ручка плясала над страницами блокнота, покоившегося на её крепких бедрах. Ноги она как можно плотнее прижимала друг к дружке, чтобы создать о себе самое благопристойное впечатление, несмотря на то, что Фагерберг с Крооком, очевидно, уже составили о ней прямо противоположное мнение.

– Маловероятно, что жертвы были друг с другом знакомы, однако обе они были молодыми одинокими матерями, – заговорил Кроок. – Без высшего образования. Малообеспеченные. Обе получали поддержку социальных служб. А убитая, Маргарета Ларссон, даже квартиру возле Берлинпаркен получила благодаря им.

– Обе проживали вблизи Берлинпаркен, – вставила Бритт-Мари. – Это само по себе – тоже связь.

Бритт-Мари немедленно замолчала, когда Фагерберг одарил её одним из своих фирменных ледяных взглядов.

– И, – произнёс Кроок и взял театральную паузу, – обе они посещали «Гран Палас». И они определённо покидали его в обществе различных мужчин.

Фагерберг присвистнул.

– Вот оно как...

Их прервал короткий стук в дверь. Та приоткрылась, и в образовавшейся щели показалось улыбающееся лицо зови-меня-Алисы.

– Простите за беспокойство. Бритт-Мари, тебя просит к телефону дама по имени Май Удин.

– Передай ей, что я перезвоню, – отозвалась Бритт-Мари.

Алиса кивнула и дверь закрылась.

– Мне любопытно, как он проникает в квартиры? – задумчиво произнёс Рюбэк. – Дверь Маргареты Ларссон была закрыта на сувальдный замок, и если бы у обнаружившего её рабочего не оказалось дополнительного ключа, он не смог бы войти.

– Следы взлома? – спросил Фагерберг.

– Никаких. Отсутствуют повреждения как на двери, так и на замке. Жила она на третьем этаже, как и Ивонн Биллинг, так что через окно он тоже не мог забраться.

– Могла она его впустить? – предположил Кроок, разразившись приступом влажного кашля.

– Этот вариант нельзя списывать со счетов.

Фагерберг подался вперед и положил на столешницу локти, а потом саркастически медленно похлопал в ладоши.

– Или она вообще привела его с собой из «Гран-Палас». Всё ведь указывает на то, что она была из таких.

Бритт-Мари почувствовала, как кровь приливает к голове, и перед глазами у неё закружились мушки. Ей казалось, что на сером костюме Фагерберга пляшут белые хлопья, словно во время снежной бури.

¹⁷ Modus operandi – способ действия (лат.).

– Но, – запротестовала она, – Ивонн Биллинг, первая потерпевшая, заявила, что замаскированный мужчина проник в квартиру среди ночи.

Фагерберг растянул губы в усмешке.

– Разве я спрашивал ваше мнение, инспектор Удин?

Бритт-Мари автоматически покачала головой, и тут же раскаялась в этом. Было слишком поздно. Она уже добровольно встала в стройную шеренгу поддакивающих подчиненных Фагерберга.

– Женщина, которая водит домой мужчин из мест вроде «Гран-Палас», очевидно, имеет вполне обоснованную причину не распространяться об этом, – проговорил Фагерберг, делая ударение на каждом слове, словно имел в виду не только Ивонн Биллинг, но также и женщин, которые прямо на службе позволяют себе сидеть на коленях коллег мужского пола.

Он откинулся на спинку кресла и сложил руки на упакованной в пиджак груди.

– Да, – сказал он, кивая, – это вполне возможно. Они могли познакомиться со злоумышленником в «Гран-Палас» и привести его к себе домой.

– Они не могли быть в «Гран-Палас», – перебила Бритт-Мари. – У них дома были дети. Они...

– Вздор, – отрезал Фагерберг. – Такие женщины запросто могут оставить детей дома одних. Это я говорю, исходя из собственного опыта. Инспектор не может себе представить, сколько раз я наблюдал подобную картину.

Бритт-Мари взглянула на Рюбэка с Крооком: она искала их поддержки. Она жаждала убедиться, что не сошла с ума и этот разговор происходит на самом деле. В наши дни, когда и женщинам стало позволительно развлекаться, не подвергая себя риску быть причисленными к касте гулящих. Однако слезящиеся глаза Кроока высматривали что-то далёкое за окном, у самого горизонта, а Рюбэк, напряжённо наморщив лоб, внимательно разглядывал половицы.

– Нужно опросить персонал «Гран-Палас», – обращаясь к Крооку, сказал Фагерберг. – Возможно, они смогут вспомнить, посещали потерпевшие заведение в актуальные даты или нет.

Кроок кивнул.

В дверь снова постучали.

– Да! – с нескрываемым раздражением рявкнул Фагерберг.

В дверь заглянула зови-меня-Алисой. Улыбка исчезла с её лица, и она выглядела слегка смущённой.

– Прошу меня простить. Пришла фру Удин, свекровь Бритт-Мари. Она хочет поговорить со всеми вами.

13

Запах свежесглаженного льна проник в кабинет вместе с Май. Когда свекровь уверенной походкой вошла внутрь, раздался шорох накрахмаленной ткани. Это была походка человека, уверенного в собственной правоте, в отличие от Бритт-Мари, шаги которой всегда были немного извиняющимися. Сквозь стеклянное окошко в стене Бритт-Мари разглядела мирно спящего в коляске Эрика, накрытого лоскутным одеяльцем.

Май не изобразила и намёка на улыбку, приветствуя коллег Бритт-Мари.

– Фру Удин, у нас здесь проходит рабочее совещание... – заговорил Фагерберг.

– Да, предполагаю, что перерыв на кофе у вас не предусмотрен, – перебила его Май голосом, в котором явственно зазвучал металл. – Мне никогда не пришло бы в голову явиться сюда, не будь это действительно важно.

Фагерберг словно сдулся. Это было едва заметно, но от внимания Бритт-Мари не ускользнуло, и она искренне обрадовалась этой маленькой победе. Видеть то, как женщина – пусть даже это была одна из самых грозных женщин в Стокгольме – смогла поставить на место Каменнолицего, было весьма утешительно.

– Слушаю, – выдохнул Фагерберг.

– Я прочла в газете об убийстве, которое произошло поблизости от Берлинпаркен, – начала Май. – Известно ли вам о том, что в районе Клара в 1944 году было совершено практически идентичное преступление? И что совершил его некто, прозванный Болотным Убийцей?

Им это, конечно же, было известно. Но тем не менее, Фагерберг предложил Май сесть.

Рюбэк без промедления уступил ей своё место. Май аккуратно присела на край стула и, не поблагодарив Рюбэка, начала рассказ о событиях февраля 1944 года на Норра Смедьегатан. Она рассказала о прибитой гвоздями к полу женщине, а также о полицейской сестре, которая встретила свою смерть в грязном подъезде.

– А она, как вам, конечно, уже известно, была никем иной, как Элси Свеннс, – попыталась Май, кивая в сторону Бритт-Мари.

Фагерберг наморщил лоб, но, к облегчению Бритт-Мари, вопросов задавать не стал. Возможно, рассказ его не заинтересовал, а может быть, его просто немного пугала Май.

– Фру Удин, – заговорил он, потирая свой ястребиный нос. – Нам хорошо известны подробности этой истории. Убийца, Карл Карлссон, был схвачен через короткое время и позже осуждён за своё преступление. Впоследствии он скончался в тюрьме.

Май кисло улыбнулась.

– В таком случае, вам также должно быть известно и то, что Карл Карлссон был невиновен.

– Что?

Май открыла сумочку, которую держала на коленях, и вынула оттуда фотокопию газетной статьи, которую затем протянула Фагербергу.

– «Афтонбладет», тысяча девятьсот пятидесятый год, – пояснила она.¹⁸

Бритт-Мари прочла заголовок.

Начальник полицейского управления предостерегает: по делу Болотного Убийцы осужден невиновный.

– Карл Карлссон дал показания, в соответствии с которыми в день убийства он гостил у своей сестры в Умео, – пояснила Май. – Однако никто ему не поверил. А полиция в Умео, которой было поручено проверить алиби, не нашла никаких свидетелей его пребывания там, помимо сестры. Правосудие им не поверило, и Карл Карлссон был осуждён. Но несколько лет

¹⁸ Aftonbladet – одна из крупнейших газет в Швеции

спустя обнаружилась фотография, на которой запечатлены сидящие в кафе в Умео Карлссон и его сестра. Как видите, он читает газету. Если внимательно изучить фотографию, можно различить заголовки и по ним определить дату. Таким образом подтверждается, что Карл Карлссон в день убийства действительно находился в Умео.

На лбу Фагерберга пролегла глубокая вертикальная складка.

– Но обо всём этом вам, вероятно, хорошо известно, – заключила Май.

Повисла тишина. Присутствующие были удивлены, обескуражены и в некоторой степени смущены.

Чтобы выйти из затянувшегося неудобного положения, Фагерберг отослал коллег по делам: Кроок был отправлен в Государственный полицейский архив на поиски информации о Болотном Убийце, а Рюбэку было поручено разыскать другие публикации на эту тему, а также лично побеседовать с констеблями, которые занимались расследованием убийства в сороковые годы.

Май встала и расправила подол. Серебристые локоны глянцево переливались в свете потолочных ламп.

– Связь между Элси и Бритт-Мари – просто необычайное совпадение, – добавила Май, слегка наклонив голову на бок.

– Совпадение? – переспросил Фагерберг.

– Ну да, ведь именно биологическая мать Бритт-Мари обнаружила жертву в 1944 году. И именно она погибла там.

«Нет», – отчаянно запротестовала про себя Бритт-Мари. «Нет! Зачем она это рассказывает?»

– Биологическая мать? – враспяжку произнёс Фагерберг, уставившись на Бритт-Мари.

– Да, – невозмутимо продолжала Май. – Вы не знали? Мать Бритт-Мари, Элси, жила одна и работала полицейской сестрой. Она не могла заботиться о Бритт-Мари, и отдала её на воспитание в приёмную семью.

Бритт-Мари в который раз ощутила, как кровь приливает к щекам, и поспешно встала со своего места.

– Спасибо, Май, – сказала она, глядя на Эрика, который всё еще мирно спал в коляске за дверью кабинета Фагерберга.

Май коротко кивнула, забрала коляску и с тем же достоинством, с каким вошла в него, покинула полицейский участок, шурша юбками.

Вечером по дороге домой Бритт-Мари терзали мысли о прошедшем дне. Она не могла перестать думать о неловкой ситуации, в которой их с Рюбэком застал Фагерберг, и о том, что теперь всем стало известно, кем была её мать, а ещё о предшествующей появлению Май дискуссии. Бритт-Мари отказывалась верить, что жертвы оставляли своих детей в одиночестве ради посещения «Гран-Палас». И ещё меньше верилось ей в то, что они добровольно водили к себе незнакомцев. Бритт-Мари не могла забыть разбитого лица и забинтованных рук Ивонн Биллинг. Ей всё ещё слышался слабый голос Ивонн, а перед глазами стояло выражение её лица – на нём было написано отчаяние.

Нет, Бритт-Мари ни за что не поверила бы, что Ивонн солгала.

Тяжёлая, влажная мгла опустилась на Берлинпаркен к тому времени, как Бритт-Мари быстрым шагом подошла ко входу. Почва была мокрой от вечерней росы, запах земли и гниющих листьев смешивался с кухонным чадом из чьего-то распахнутого окна. Откуда-то доносилась музыка, отголоски которой тонули в зелёной массе. Ступни саднило, а пятки жгло после долгого дня в новых туфлях, из-за которых Фагерберг теперь, кажется, считал её распутницей. Ничем не лучше тех женщин, кто поздним вечером приводит домой мужчин, с которыми познакомились в ресторане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.